Задонский паломник

по благословению архиепископа Липецкого и Елецкого Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

№ 92,
15 мая 2013 г.

12+

Одобрено синодальным информационным отделом РПЦ св. №134 от 04.09.2011 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство:
ПИ №ФС77-21446
от 01.07.2005 г.

Учредитель:

Православная религиозная организация Задонского Рождество-Богородицкого мужского Епархиального монастыря г. Задонска Липецкой области Липецкой и Елецкой епархии РПЦ (Московский Патриархат)

Главный редактор:

Иеромонах Гавриил (Мельников Д.В.)

Адрес редакции, издателя:

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. К. Маркса, 121.
Телефон: (47471) 2-49-55

Адрес типографии:

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14.

Тираж: 5 000 экз.
Цена свободная.

При перепечатке ссылка на «Задонский паломник» обязательна.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ! Просьба не использовать издание в хозяйственных целях.

СОДЕРЖАНИЕ:

2 ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

4 ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ
Высокопреосвященнейшего архиепископа Липецкого и Елецкого Никона

7 ПОЗДРАВЛЕНИЕ с ЮБИЛЕЕМ ЕПАРХИИ
Высокопреосвященнейшего митрополита Саранского и Мордовского Варсонофия

8 «МОНАСТЫРЬ»
Из «архивов» души

39 ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ
Из писем схиархимандрита Виталия (Сидоренко)

42 ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ
«О многообразии гордости», ч.3
Из бесед с кавказским пустынником

50 «О ГОРДОСТИ, ДОВЕРИИ СЕБЕ и ИСКУШЕНИЯХ БЕСОВСКИХ»
Святоотеческое наследие

54 «БОРЬБА»
Из творений Святителя Тихона Задонского

55 «ЗАКРЫТИЕ НОВО-АФОНСКОГО СИМОНО-КАНАНИТСКОГО МОНАСТЫРЯ и ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА МОНАХОВ», ч.3
Из воспоминаний монаха-пустынника

59 Урок 8: «ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ»
Детские странички

62 «СВЯТОЙ, ХРАНИВШИЙ в СЕРДЦЕ ПАСХУ»
Детские странички

Пасхальное Послание

Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

Возлюбленные о Господе Преосвященные архипастыри, всечестные пресвитеры и диаконы, боголюбивые иноки и инокини, дорогие братья и сестры!

В сей великий и светозарный день сердечно поздравляю всех вас с Пасхой Господней и приветствую каждого древними и святыми словами:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Именно в этих словах, которыми люди на протяжении веков встречают друг друга в светлые пасхальные дни и которыми свидетельствуют миру об истинности события, произошедшего два тысячелетия назад, содержится огромная внутренняя сила. В них – и весть о победе, и призыв к радости, и пожелание мира, и надежда и утешение для каждого человека.

Тот, Кто был рожден Пречистой Девой Марией, Тот, Кто тяжело и безвинно страдал, был распят и умер на кресте посреди двух разбойников, Тот первым из всех людей восстал из мертвых. *«Он воскрес, как сказал»* (Мф. 28, 6). Гробница пуста. В ней остались лишь пелены, в которые было завернуто Его тело. Жены-мироносицы, придя к месту по-

«Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!»

(1 Кор. 15, 57)

гребения Господа *«весьма рано... при восходе солнца»* (Мк. 16, 2), не нашли там Иисуса, ибо ни камень, закрывавший вход в пещеру, ни охранявшая ее стража, ни даже сама смерть не смогли противостать великой силе Бога Живаго. *«Преисподняя расширилась и без меры раскрыла пасть свою»* (Ис. 5, 14), ликующий ад уже приготовился поглотить своего самого могучего врага, но вместо этого замер от ужаса, ибо озарился светом Божества. Христос уничтожил тление и разрушил смерть.

Через первого человека, который ослушался Создателя и отпал от Источника вечной жизни, в мир вошло зло, и грех стал царствовать среди людей. Христос же – *«последний Адам»* (1 Кор. 15, 45) – победил смерть духовную, душевную и телесную. *«Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут»*, – свидетельствует апостол Павел (1 Кор. 15, 22). Все потерянное нами в первом Адаме мы вновь получили во Христе. Пасха Господня – это поистине *величайший дар Божьего домостроительства* (преп. Феодор Студит).

Преодолев отчуждение человека от Творца, Спаситель даровал нам возможность соединиться с Ним. По словам преподобного Иоанна Дамаскина, Крестом Христовым нам *«даровано воскресение <...> открыты врата рая, естество наше воссело одесную Бога, и мы соделались чадами Божиими и наследниками»* (Точное изложение православной веры. Кн. 4). Все мы призваны стать достойными этого дара.

Сын Божий, восприняв нашу природу, уподобился нам во всем, кроме греха. Своей земной жизнью и крестными страданиями Он показал пример величайшего смирения и послушания Небесному Отцу, пример борьбы с искушениями и соблазнами, а Своим Воскресением разрушил оковы греха и дал нам силы и средства побеждать зло. Именно в такой борьбе человек растет духовно и становится нравственно свободной личностью.

Мы живем в то время, когда свобода нередко трактуется как вседозволенность. Многие искренне полагают, что лишь власть и богатство, здоровье и физическая сила способны принести освобождение, и, соревнуясь в служении кумирам века сего, зачастую проигрывают в главном, в достижении подлинной цели бытия. Восставший от гроба Спаситель, даровав нам свободу, открыл эту цель, которая состоит в познании Истины (см. Ин. 8, 32) и в жизни с Богом.

Уничтожив телесную смерть, Христос обещал вечную жизнь, но не как бесконечное продолжение земного пути, а как преображение всего человеческого существа, когда само тело обретает новые свойства. В Воскресении Господа та́инственно явлен прообраз и нашего будущего воскресения. В грядущем Царствии Небесном, где не будет ни смерти, ни болезни, ни разлуки, ни даже времени, *«отрет Бог всякую слезу с очей»* (Откр. 21, 4), и радость будет нескончаемой, а любовь – вечной. Победа Господа над смертью дает всем нам непоколебимую надежду, что и мы вслед за Ним во Второе славное пришествие Его воскреснем для новой жизни – жизни в непрестанном общении с Богом.

Разделим же радость о Воскресшем Спасителе нашем со всеми, кто нуждается во внимании и заботе: с больными, пожилыми, страждущими, унывающими, томящимися в темницах, лишенными средств и крова людьми. И, уподобившись свидетелям Воскресения – святым апостолам, с верой и дерзновением будем возвещать ближним и дальним благую весть о том, что воистину воскрес Христос! Аминь.

Патриарх Московский и всея Руси

Москва,
Пасха Христова,
2013 год

Пасхальное Послание

Высокопреосвященнейшего Никона, архиепископа Липецкого и Елецкого

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Этими словами христианской радости сердечно поздравляю всех вас, дорогие о Господе боголюбивые пастыри, честные иноки и инокини, благочестивые миряне!

В дни светлого Христова Воскресения мы вновь молитвенно переживаем величайшее событие истории человечества. Ныне весь православный мир очами веры созерцает неприступный свет Божественного Воскресения и с радостью и ликованием празднует торжество победы Жизни над смертью.

Ныне посрамлена всякая ложь, ибо из Гроба Господня воссияла Истина.

Ныне поруган ад, и вечная жизнь блистает неувядающей красотой.

Всемилостивый Господь вновь сподобил нас приобщиться Пасхе нетления, *«празднику праздников и торжеству из торжеств»*. В древности Пасху именовали «царем дней» – ибо *«Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших»* (1 Кор. 15, 20). Свершилась воля Божия о спасении рода человеческого – Воскресение Господа нашего Иисуса Христа даровало надежду воскресения в жизнь вечную каждому, уверовавшему

«Как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни»

(Рим. 6, 4)

в Него: *«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»* (Ин. 3, 16). Поэтому, встречая великий день Воскресения Христова, я призываю вас никогда не забывать о Жертвенной Любви, искупившей человеческий род из греховного плена. Пусть на всех путях и во всех жизненных обстоятельствах эта память помогает каждому из нас с глубокой благодарностью и благоговением ко Господу направлять свою волю к исполнению заповедей Его и укреплению духовно-нравственных основ нашей жизни, чтобы неотступно противостоять греху и силам зла. Пусть укреплением для нас послужит пример последователей Христа первых веков, благовествовавших своей жизнью Слово Божие. Давайте задумаемся и о том, как новая эра христианской любви и милосердия изменила дальнейшую судьбу человечества.

Пасха Христова вновь и вновь животворит наши души, указуя путь в Небесное Отечество. Укрепляют надеждой и слова Священного Писания: *«...как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни»* (Рим. 6, 4). Что может быть большей наградой душе, верной Господу? – Ее обновление во Христе Иисусе. А как ликует Церковь Божия, когда благочестивой жизнью и христианской любовью преображаются судьбы многих людей, что в немалой степени влияет и на судьбу нашего Отечества.

Дорогие, пусть же долгожданная Пасха Христова устремит ваши сердца к любви и нравственной чистоте, укрепит вас на пути ко спасению и преисполнит ваши сердца миром, ибо сказал Воскресший Господь ученикам Своим: «Мир вам!»

В эти радостные дни общеправославного торжества я хотел бы обратиться ко всем верным чадам нашей епархии со словами поддержки и ободрения, утешения и благословения. Оглядываясь на годы возрождения православной веры на нашей земле, нетрудно заметить, каким беспокойным, а порой и тяжелым было это время для каждого из нас. Но по слову Господа: *«...кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода»* (Ин. 15, 5). Все эти годы Своим всеблагим Промыслом Спаситель подавал преизобильную помощь в наших начинаниях, подавал и силы пережить нестроения.

Когда 7 мая 2003 года решением Священного Синода Русской Православной Церкви была образована Липецкая и Елецкая епархия, на ее территории насчитывалось лишь семьдесят четыре прихода. Прошло 10 лет и животворящая благодать Святаго Духа покрыла все уголки нашей епархии – сегодня слово Божие благовествуется уже в двухсот семидесяти шести православных храмах.

Проповедь Христовой истины звучит на разных уровнях и в разных сферах жизни – управленческой, социальной, медицинской, образовательной... Ведется миссионерская работа в исправительно-трудовых учреждениях и различных структурах Вооруженных сил. Особое внимание отводится диалогу с молодежью, так как восприятие христианского образа мысли и бережное отношение к духовно-нравственным традициям постепенно формируют в молодом поколении осознание личной ответственности перед Богом, историей и грядущими поколениями.

Ответственность молодежи за будущее нашего Отечества в своем обращении подчеркнул Святейший Патриарх Кирилл. Его Святейшество обращает наше внимание на то, что ныне действительную угрозу душам православных христиан несут информационные потоки и электронные технологии. «Вы прикасаетесь к компьютеру, к мобильному телефону, к айпэду, и перед вами открывается тот мир информации, где есть много хорошего, но много и очень плохого... Поэтому жизнь нынешнего поколения молодежи отличается от жизни предыдущих молодых поколений, ввиду огромной ответственности за себя,

за свое духовное и физическое здоровье, за свою будущую семью, за судьбу Отечества и за будущее Церкви».

Ныне общество действительно переживает волнения, связанные с множеством нововведений, внедряемых в нашу жизнь. Проявляя заботу о гражданах всех государств канонического пространства нашей Церкви, прошедший в начале этого года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви вынес решения по многим тревожным и актуальным вопросам: ювенальной юстиции, электронным документам, монастырям и монашестве, проблемам экологии.

Возлюбленные о Господе братия и сестры! Радость о Воскресшем Христе да освятит наши дни, дела и помышления! Силою и содействием Святого Духа да благословятся наши труды, чтобы в эти светлые пасхальные дни нам достойно встретить и 10-летний юбилей Липецкой и Елецкой епархии. Праздник Святой Пасхи, дорогие, призывает всех нас провести это время в духовном бодрствовании, прославляя своей жизнью Господа и созидая наши души ко спасению.

В эти радостные дни, с любовью и пасхальным целованием от всей души поздравляю вас, дорогие мои! Желаю вам и вашим близким всегда радоваться, непрестанно молиться, за все благодарить (ср. 1 Фес. 5, 16-18) и неизменно хранить в своих сердцах немеркнущий свет Христова Воскресения.

† Никон

Архиепископ Липецкий и Елецкий

Липецк,
Пасха Христова,
2013 год

**Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему НИКОНУ,
архиепископу Липецкому и Елецкому,
духовенству, монашествующим
и всем чадам Церкви Христовой в Липецкой епархии**

**Ваше Высокопреосвященство, дорогой Владыка!
Досточтимые отцы, братия и сестры!**

Сердечно поздравляю Вас со знаменательной датой – 10-летием образования Липецкой епархии.

В 2003 году Священным Синодом Русской Православной Церкви в границах Липецкой области была образована самостоятельная епархия и Вы, владыка, назначены ее правящим архиереем. С точки зрения истории прошло немного времени, но какие свершения с помощью Божией были сделаны Вами, духовенством и всем верующим народом. О Липецкой епархии можно сказать: малое по времени – большое по делам.

В дар Господу принесены добрые плоды. Значительно увеличилось количество духовенства, открыты приходы и монастыри, восстанавливаются храмы и церковные строения. Также епархией проводится активная работа по направлениям деятельности, которые Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл обозначил как приоритетные: катехизической, социальной, благотворительной и молодежной.

Не могу не отметить плодотворное церковно-государственное сотрудничество, благодаря которому осуществляются многие проекты епархии в духовно-просветительской и иных сферах.

Многое сделано, но впереди большая работа по воцерковлению всех сфер жизни общества. В этой связи Архиерейский Собор 2013 года поставил епархиям задачи по увеличению приходов, молитвенных зданий, выполнению других важных для Церкви и общества деяний. Обращая свой взгляд на ваши достижения, у меня есть твердая уверенность, что в Липецкой епархии все наказы Собора будут выполнены на должном уровне и в короткие сроки.

Еще раз, поздравляя Вас, дорогой Владыка, духовенство и всех тружеников церковных с праздником, желаю вам по молитвам святителя Тихона Воронежского, Задонского чудотворца духовного и телесного здравия, помощи Божией, дабы вашими трудами Церковь Божия в Липецкой области росла и умножалась.

С любовью о Господе,

**управляющий делами
Московской патриархии
митрополит Саранский и Мордовский**

+Варсонофий

МОНАСТЫРЬ

«Жаждущий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром»

(Откр 22:17)

Вместо предисловия...

Большинство людей живет с убеждением в том, что никаких отношений с Богом они вовсе не имеют. Они не осознают, что и вера, и маловерие, и отрицание веры – это степени взаимоотношений человека с Богом. И в спектре таких взаимоотношений, монашество – самое красивое и гармоничное состояние жизни, когда, презрев суету и свою «многострадальную» плоть, человек приобретает желание непрестанно предстоять Богу один на один...

Если спросить монаха, почему он ушел в монастырь, он ответит: «В монастырь не уходят, в монастырь приходят». В монастырь приходят, не убегая от скорбей и несчастий, а для того, чтобы, внимая себе, бороться с недостатками духовной природы своего «ветхого человека». Во все времена стремление покидать мир усиливалось не оттого, что в миру сгущались бедствия, а по мере того, как в народе возникала потребность возрождения нравственных сил. Издревле монашество было отречением от мира во имя идеалов, ему непосильных, а не отрицанием мира во имя начал, ему враждебных.

Само монашество – удел немногих избранных, имеющих особое «призвание», то есть непреодолимое внутреннее желание к жизни, всецело посвященной служению Богу. Как сказал о том Сам Господь: *«Кто может вместить, да вместит»* (Мф 19:12)...

Территория, на которой расположен современный Задонск, оказалась под властью киевских князей в составе Муромо-Рязанской земли и была присоединена к Древнерусскому государству только в конце X века. Но во второй половине XII века левобережье Дона в его верховье отошло в удел Великого князя Рязанского.

Географически Киевская Русь располагалась на европейской окраине, за которой простиралось обширное море степей. Эти степи со своим кочевым населением и были историческим бичом для древней Руси. Князья Русские были вынуждены постоянно вести борьбу с попеременно сменявшими друг друга нашествиями азиатских кочевых орд.

Лежащие на границе леса и степи прибрежные территории реки Дон, как и все юго-восточные пограничные земли Древнерусского государства, подвергались особой опасности и разорениям со стороны разноплеменных диких пришельцев Азии. Это была зона соприкосновения интересов, а соответственно, и конфликтов многих этносов. Как отмечает иеромонах Геронтий в своей летописи: «Здесь, на Донскомъ бассейне, въ разное время..., сменяя другъ друга и порабощая силою каждый своего недруга, владычествовали: Обры, Болгары, Хозары и Казары, Печенеги и Половцы». Так, на протяжении многих сотен лет, как и всякая пограничная территория, Верхнее Подонье оставалось зоной риска, зоной военных конфликтов, практически не защищенной от сменявших друг друга кочевых племен и боевых отрядов разного рода государственных образований. А поэтому славянским населением заселялось неохотно и нестабильно.

С наступлением периода феодальной раздробленности Киевской Руси защитная функция древнерусского государства была существенно ослаблена, что в результате привело к натиску внешних врагов: с севера – шведов и тевтонцев, с востока – монголо-татар. В начале зимы 1237 года поблизости от границ Рязанского княжества собрались полчища монголо-татар под предводительством хана Батыя. Рязанский князь встретил завоевателей у границ своего княжества, но в упорном бою потерпел поражение. Остатки рязанского войска укрылись в Рязани, которую монголо-татарам удалось взять только 21 декабря 1237 года. Затем, Батый захватил Москву, Владимир, Суздаль и другие русские города. Полчища завоевателей опустошали, разоряли и истребляли на своем пути все, везде оставляя по себе кровавые следы. Ближайшие 200 лет Русь была обречена на страдания под игом монголо-татар и все это время приграничные княжества: Рязанское и Елецкое, – каждый раз находясь на пути грозных завоевателей, одними из первых принимали на себя сокрушительные удары.

Бедствие приобрело всенародный характер. Это было одно из тех бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное, духовное разорение, надолго повергая народ в мертвенное оцепенение. В начале XIII века монголо-татарское нашествие не только разрушило государственную и культурную жизнь Древней Руси, но и надолго заглушило духовную. Материальное разорение и тяжесть борьбы за существование были так велики, что повсеместное одичание и запустение стали их естественным следствием.

Очевидно, что к концу XIV века, разоряемые уже более 150 лет, придонские земли пришли в абсолютно бедственное и безжизненное состояние и по сути своей стали «Диким Полем». При этом, страдали земли рязанские не только от ордынцев, но и от московских союзников монголо-татар. Н.И. Костомаров, характеризуя ситуацию, сложившуюся в этой местности, подчеркнул: «Ни одна земля русская не терпела тогда столько разорений, как рязанская. Ее беспрестанно разрушали то татары, то москвичи».

Сложившемуся на Руси удельному порядку суждено было пасть перед объединительными стремлениями великого князя московского Иоанна III (1462-1505). Именно при этом мудром правителе собирание Русской земли стало национально-религиозным движением, теперь сами отдельные княжества начали открыто тяготеть к Москве. Завершение территориального собирания северо-восточной Руси Москвой превратило Московское княжество в национальное великорусское государство и, таким образом, сообщило великому князю московскому значение национального великорусского государя.

А на придонских территориях, некогда составлявших юго-восточные окраины Руси, не смотря на мощный централизованный процесс становления и укрепления государства Московского, в XV веке не наблюдалось даже и зарождения тенденций конструктивного развития. Из-за напряженных отношений между князьями, Рязанское княжество окончательно присоединилось к московскому государству только в 1517 году. А меняться на этих землях обстановка начала только в годы правления Иоанна IV Грозного (1522-1584). Именно он значительно расширил границы Московского государства, постепенно присоединив к нему территории Казанского Ханства (1547-1552), Астраханского Ханства (1556), Сибирского Ханства (1555) и Большую Ногайскую орду. Эти меры отодвинули границы государства Российского далеко на юг, в результате чего, задонские земли потеряли статус приграничных.

Вследствие расширения государственных границ, военное положение Московского государства к концу XVI века существенно обострилось. Новые границы поставили его в непосредственное соседство с иноплеменными врагами Руси: шведами, поляками, татарами. При частых войнах со шведами и поляками, шла непрерывная борьба с татарами крымскими, казанскими, ногаями и другими восточными инородцами. От татарских набегов все также страдали южные и восточные окраинные земли государства Российского.

В этот период Подонье и оказалось в сфере внимания Москвы. В 1571 году в Москве под руководством боярина Воротынского М.И. собрались «дети боярские, станичники и сторожи и вожи» для выработки общих принципов организации сторожевой и станичной службы. Одновременно с военной началась и крестьянская колонизация края...

Глава I: НЕМНОГО ИСТОРИИ...

Основание монастыря

Монастырь Тешевский (ныне Задонский Рождество-Богородицкий мужской епархиальный монастырь), основанный в самом начале XVII века на открытой полугоре у слияния рек Тешевки и Дона, стал благодатным источником жизни для многострадальных окрестных земель, с самых отдаленных времен подверженных разорению, угнетению и запустению. Именно с момента основания монастыря берет свое начало и история слободки Тешевки, спустя почти два столетия получившей статус уездного города Воронежской губернии с названием «Задонск».

В конце XVI века начала укореняться жизнь на территориях юго-восточных рубежей Московского государства, куда входили и земли верхнего Дона – где ныне расположен Задонск. Обстановка здесь была крайне неспокойна, тому причиной – и военный быт окраинных территорий, и неоднородность расселявшегося здесь населения. Эти земли осваивались людьми служилыми, вольным казачеством, находили здесь себе прибежище и беглые преступники, недавно укрывшиеся в южно-русских степях. Такому «разношерстному» и неблагонадежному местному населению был присущ дух бунтарства, своеволия и неподвластности. Поэтому в то время ни о нравственности, ни о духовной целостности в этом «народе» не могло быть и речи.

В период «смуты» здешнее население отличалось особой мятежностью и враждебностью к правлению царствовавшего тогда Василия Шуйского. Серьезные волны восстаний против царя неоднократно провоцировались именно местным населением этого края. Многие поддерживали то Лжедмитрия II, то поляков. Когда в 1610 году Василий Шуйский был свергнут с престола, над православной страной нависла опасность получить царя-католика. Обозначилась угроза не только для государственного суверенитета, но и для самой веры православной – последней опоры и прибежища многострадального русского народа. Патриарх Гермоген, поддерживаемый духовенством, понимал пагубность нравственного и духовного кризиса русского общества. Но стабилизация обстановки в государстве вновь во многом зависела от восстановления и укрепления пошатнувшихся духовных сил народа. Ведь еще со времен преподобного Сергия Русь усвоила правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной.

В эти тревожные для Святой Руси дни, в противостояние нависшей угрозе инославного завоевания, духовенство вновь прибегло к помощи Царицы Небесной. По благословению самого Патриарха Гермогена кистью неизвестного иконописца была написана копия Владимирской иконы Божией Матери с предстоящими: св. Царевичем Димитрием и свт. Василием Великим – Небесным Покровителем Василия Шуйского. И двое монахов Московского Сретенского монастыря, Кирилл и Герасим, имея при себе это драгоценное духовное сокровище, отправились в бунтующие, мятежные края: туда, где в 1395 году, откликнувшись на молитвы православного люда, Пресвятая Владычица уже являла Свою силу, преградив путь Тамерлану.

Так на полугоре, у слияния рек Тешевки и Дона возник Богородицкий монастырь. Главной святыней обители стала принесенная монахами Владимирская икона Божией Матери. Царица Небесная вновь взяла под Свой Покров эти многострадальные немирные земли. Еще во времена монголо-татарского владычества над Святой Русью давление народных скорбей и испытаний послужило мощным толчком к осознанию новыми поколениями христиан необходимости внутреннего духовного и нравственного совершенствования. Живым примером иноческого служения Богу напитывались и нравственные силы народа, в сознании людей формировалось крепкое духовное начало. Так полагалась основа нравственному и духовному единству, которое во все времена было самым мощным оружием

Копия Владимирской иконы Божией Матери с предстоящими св. Царевичем Димитрием и свт. Василием Великим. Ныне икона находится во Владимирском соборе Задонского монастыря.

в борьбе с любым врагом. Поэтому преодолевая разные невзгоды и внешние нестроения, претерпевая гонения, козни и недовольства со стороны местного населения, но под Покровом Пресвятой Богородицы, на земле, не знавшей покоя веками, начала возрастать монашеская община.

Иноки совершали дело Божие, и Господь подавал духовные плоды их трудам: освящался Благодатью их монашеский подвиг, иноческой молитвой и призыванием Имени Его освящались здешние земли, постепенно смягчался и прежде непримиримый с Богом люд, расселившийся в окрестностях. Словом: начала обновляться судьба этой земли. И со временем здесь, уже среди местного населения, появились люди, своей жизнью стяжавшие от Господа немалые духовные плоды. История монастыря открывает нам целый ряд имен блаженных старцев и стариц, родившихся и послуживших Богу на этой земле.

Сокровище духовное...

Издревле живой пример святых отцов вдохновлял многие сердца к поиску нравственной чистоты и стремлению к жизни, всецело посвященной Богу. В конце XVIII века, в годы лихолетий и гонений на Церковь, Господь послал этому не примиренному с Богом краю духовный светоч – святителя Тихона. Последние 14 лет жизни он провел в Задонском монастыре, где и завершил свой земной путь.

В течение этих лет, находясь на покое, Святитель полагал все силы, чтобы поднять духовный уровень пастырей и паствы. Среди средств воспитания христианского образа мысли он избрал наиболее действенный – живой пример, наглядное осуществление нравственного правила. Как монах, он прибывал в послушании, посте, нестяжании, молился за многие души, до копейки раздавал свое жалование всем нуждающимся и скорбящим. Но, как святитель, он видел тяжелый дух и характер местного населения, а поэтому часто бывал среди людей и с любовью, терпением и знанием человеческой души, кротко наставлял народ духовным словом, обращая смущенные сердца к Богу.

Он не ждал, когда придут к нему, он шел к людям сам. Как только день склонялся к вечеру, торопился угодник Божий в деревни и села, чтобы успеть к заходу солнца, когда мужички садились у своих изб на завалинки поговорить о своей нужде и заботах, подойти к ним, присесть рядом и словом Божиим утешить, наставить, а кого и образумить. Святителя, одетого в старую, сильно поношенную камлотовую рясу, в порыжелый от времени клобук и лапти, принимали за простого монаха. Но во всех чертах этого монаха, в больших его карих глазах светились кротость и доброта. Видя, что он, человек душевный: простой, тихий, сам бедный, а значит – «ихнего поля ягода», люди раскрывали перед ним свою душу, все свое горе да беды выкладывали ему, как на ладони.

Но не только словом их утешал Святитель, уже на следующий день через своего келейника посылал им деньги на уплату недоимок. При этом, кротко научая келейника, чтобы он «умненько да смирненько» деньги эти им вручал. Везде, где появлялось человеческое горе и нужда, туда спешил святитель Тихон. К нему в монастырь потянулись люди. Все приходившие черпали от него утешение и ободрение и, возвращаясь в свой круг, по каплям делились с другими...

В то время, в период общего упадка христианского и монашеского духа, пример его жертвенного и самоотверженного служения был многим не понятен. Многие насельники монастыря, порой не довольствуясь поступками Святителя, уничижали и оскорбляли его. Имея другой образ мысли и мировосприятия, братия обители пока еще не могла вместить всю глубину его служения. Но им в наследие остался наглядный, живой пример его любви и благоговения к Богу, любви ко всему живому, к старым и малым, больным и убогим, нищим и богатым, вельможам и узникам темниц... Образ жертвенности, любви, кротости, всепрощения и смирения Святителя стал тем «сокровищем духовным», которым была «искуплена» судьба этой многострадальной, немирной земли. Примером своей жизни, высотой

своего духа святитель Тихон поднял нравственный уровень родного народа, пробудил в нем духовное самосознание. Прежде враждебно настроенное к монахам местное население обрело доверие к Богу, а вместе с тем изменилось и их отношение к монастырю. Начал меняться и духовный облик обители – вскоре дела любви, милосердия, страннопримничества и общественного служения стали отличать ее среди многих других монастырей. Летописец обители, иеромонах Геронтий, свидетельствует, что уже спустя несколько десятков лет, ни одна крестьянская семья, проживавшая в окрестностях Задонска, не представляла своей жизни без помощи и участия монастыря[1]...

Образ любвеобильного и милосердного старца глубоко врезался в душу народную. Многочисленные благоговейные почитатели почившего святителя Тихона стекались к его гробу, чтобы отслужить панихиду или просто помолиться. Память о нем не ослабевала, люди по-прежнему получали от него помощь и утешение. Русский народ еще при жизни почитал Святителя святым. Поэтому в 1861 году к 26-му августа, на прославление его мощей, в Задонске собралось около 300 тысяч человек. Люди ехали сюда не только из отдаленных уголков нашего Отечества, но и из разных стран Европы. Богомольцы начали собираться к стенам монастыря уже за две недели до прославления. Восемьдесят четыре версты, ведущие из Воронежа в Задонск, представляли собой сплошную улицу, по которой к Святителю устремились волны народа. «Ни с чем нельзя было сравнить этой картины, единственной в своем роде» – вспоминал очевидец тех событий, поэт И.С. Никитин. В те дни благодатный свет изобильно изливался на Богородицкую обитель. Вскоре Задонский монастырь стал любимым местом паломничества, наряду с Киево-Печерской и Свято-Троицкой Сергиевой Лаврами...

Свои коррективы в жизнь монашеской обители внесли вероломные события XX-го века. Их идеологами стали не инославные завоеватели, но воспринявшие дух сатанинского безбожия наши соотечественники... «Трудами» таковых в 30-х годах в Задонске умолк колокольный звон, благовествовавший на этой земле в течение трех веков. В монастырских стенах перестала звучать иноческая молитва. Святыни храмов были разграблены и попраны. Центральное духовное сокровище монастыря – Владимирская икона Божией Матери – исчезла бесследно... Покинул обитель и святитель Тихон – его мощи были вывезены в запасники краеведческого музея г. Орла. Дух безбожия немало потрудился над «новым обликом» монастыря. Теперь на его территории расположилась промышленная зона. Храмы и монастырские строения были обезображены ненавистным отношением новой власти...

[1] Геронтий, иером. Историко-статистическое описание Задонского Богородицкого первоклассного мужского монастыря. – СПб., 1893.

Задонский монастырь перед закрытием. Начало XX века.

Глава II: ВОЗРОЖДЕНИЕ

Как возродить монашескую обитель?

Конец 80-х годов того же века... Задонский монастырь возвращен в лоно Православной Церкви. Точнее говоря, были возвращены лишь разоренные стены Владимирского собора и малая их часть... Поднимать разрушенную обитель – задача непростая. За реставрацию храмов и архитектурного комплекса строений при наличии средств может взяться каждый, кто имеет соответствующий опыт в строительстве. Но как восстановить монастырь, чтобы он вновь «задышал» монашеским духом, чтобы возродилась в нем «полнокровная» духовная жизнь? Что предпринять, чтобы вновь собрались под Покровом Пресвятой Богородицы те, кто многими трудами и духовными усилиями ради Христа отрекутся самих себя, станут плечом к плечу с такими же единомышленниками, оставившими все мирские попечения, чтобы отдать свою жизнь на служение Любви, на служение Богу?

Неравнодушные свидетели событий тех лет, вероятнее всего, задавались главным вопросом: какой же ныне будет эта святая обитель? Прославит ли она Бога подвигом любви и милосердия, как прежде? Или же станет совсем иной, приобретет новый «образ» и «характер»? Все это зависело от монашеской традиции – того духа, который привнесут сюда ее духовники, и от тех людей, которые, придя в монастырь, будут готовы прочувствовать и унаследовать традицию прежних отцов, чтобы в свое время передать ее следующим поколениям иноков.

Монастырь – это не стены. Монастырь – это люди. И от того, какими будут люди в монастыре, таким станет и его общий дух. Нет у Бога ничего одинакового: как один от другого отличаются люди, как отличались пути и подвиги святых, как по-разному проявлялась их святая любовь к Богу, так по духу отличаются и монастыри. Поэтому у каждой обители есть свой «характер»: своя традиция, свое служение, свой «главный подвиг», в котором каждая увлеченная любовью душа путем кропотливых трудов и духовных усилий, приближается к Богу.

В 1991 году, указом правящего архиерея Воронежской епархии, митрополита Мефодия (Немцова), восстановление Задонской обители было возложено на плечи архимандрита Никона (Васина). С момента официального возвращения монастыря Церкви прошло всего два года, но он стал уже третьим наместником, приступившим к восстановлению Рождество-Богородицкой обители...

Сила живого примера любви...

Святые отцы говорят, что монашеский дух передается из поколения в поколение и черпается у тех, кто сам почерпнул его у прежних отцов. Сила монашества заключается в преемстве духовного руководства: духовный опыт передается от учителя к ученику, а потом ученик становится сам учителем и передает опыт своим ученикам. Не научиться истинному монашеству по книгам, а тем более – по собственному разумению, нельзя изобретать самочинные правила духовного возрастания...

Несмотря на годы советского безбожия, цепь преемственности монашеской традиции на территории нашей необъятной Родины не прервалась, хотя и была ослаблена. Когда закрывали монастыри, оставшиеся в живых иноки подвергались преследованию. Они скрывались от властей, жили в миру, но, где бы они ни были, независимо от внешних условий и обстоятельств, пример их жизни увлекал за собой многих людей. Живое общение с истинными монахами обновляло ищущие сердца благодатным огнем любви к Богу во все времена...

В 1976 году, еще во времена гонений на Церковь Христову, Николай Васин[2] окончил Одесскую Духовную семинарию. За время учебы желание посвятить себя монашескому служению укоренилось в нем окончательно. Он возвратился на родную липецкую землю и по благословению своих духовных наставников подал прошение на имя правящего архиерея: «Прошу постричь меня в монахи и рукоположить...» О том, что в те безбожные годы вдохновило молодого человека выбрать такой путь, Владыка рассказал нам в одной из бесед:

– Владыка, в Ваших воспоминаниях о молодых годах чувствуется и веселый нрав, и желание идти по жизни смело: Вам хотелось служить в армии, Вам нравилось трудиться на заводе, Вам легко давалось общение с людьми любого возраста, уровня и мировоззрения. Каким образом в те годы в системе Ваших ценностей высшим идеалом стал путь монашеский? Что повлияло на Ваш выбор?

– Думаю, меня изначально поразила та красота любви, которую Господь открыл мне на жизненном примере удивительных людей: моей первой духовной наставницы, схимонахини Антонии (Овечкиной, 1902-1972), а позже – схиархимандрита Виталия (Сидоренко, 1928-1992) и схимитрополита Серафима[3] (Мажуги, 1896-1985). Это были истинные монахи. Монахи не по форме и одежде, а по внутреннему существу.

В те безбожные времена, наверное, ради спасения наших душ – смущенных и ищущих, верующих и сомневающихся, скорбящих и отчаявшихся – Господь подавал нам возможность соприкоснуться с живыми примерами великой веры и жертвенной любви. И, конечно, молитвами таких избранников Божиих изменялись и определялись судьбы многих людей, в том числе и моей.

С 1972 года, после смерти матушки Антонии, каждый шаг в жизни Николая Васина – будущего монаха, пастыря, архиерея – освящался благословением глинских отцов: схиархимандрита Виталия и Владыки Зиновия. Его душа очень тянулась к этим старцам, а через них – к живому Богу.

Владыка Никон вспоминал:

– Мое сердце откликнулось на дух особой любви, присущий им обоим. Отца Виталия и Владыку Зиновия многое роднило – они были очень близки по духу, т.к. оба наследовали монашескую традицию старцев Глинской пустыни. Глядя на них, я понял: где любовь – там Бог. Поэтому хотелось научиться у них всему: жить той любовью, которой жили они, иметь такое же благоговение ко всему, что создано Богом... И чтобы воспринять такую любовь к Богу, чтобы стала она качеством моего сердца, я все эти годы вслушивался в их слова и наставления, всматривался в их примеры, напечатлевая в своем сознании образ их мысли и действий. Не было сомнений: чтобы быть способным воспринять дух от старцев, нужно полностью отрекаться своей воли, своих понятий, жить в послушании, на все и всегда брать благословение...

---

[2] Будущий архиепископ Липецкий и Елецкий Никон.

[3] Более известен как Владыка Зиновий (митрополит Тетрицкаройский).

Митрополит Зиновий (Мажуга)

Схиархимандрит Виталий (Сидоренко)

До перевода в монастырь архимандрит Никон служил на приходе в с. Павловка Добринского района. Он начинал свое пастырское служение иереем-целибатом, но вскоре принял монашество. Со временем, когда община окрепла, по благословению Владыки Зиновия и отца Виталия он начал совершать монашеские постриги. Так на приходе вокруг него сформировалась небольшая монашеская община.

В Павловку тянулись люди со всех сторон. Под праздники многие приезжали с ночевкой, многие стремились хоть чем-то помочь, брали на себя разные послушания. Чтобы всех накормить, пришлось организовать три кухни. По воскресным дням ко Святому Причащению приступало по 350 человек – и это в советское время, когда открытая проповедь преследовалась властями.

О том, являются ли преградой для монашеского служения внешние обстоятельства, мы спросили Владыку Никона:

– Владыка, иеромонах в миру – служение особое. Находясь в монастыре, желающие идти иноческим путем все же более защищены от мирского духа и его соблазнов. Ведь уклад жизни монашеской общины, духовное руководство, иноческое правило, отречение своей воли ради послушания немало способствуют воспитанию внутреннего монаха, особенно в новоначальных. Можно только догадываться, насколько в той советской действительности было нелегко начинать монашескую жизнь вне стен монастыря, тем более, что в тот период Вас в основном окружали люди с другим мировоззрением и образом мысли.

– Хорошо говорил о самой сути монашества наш Святитель Тихон Задонский: «Монах – это душа и Бог». Так что если ты посвящаешь всего себя Богу, то уже не можешь прилепляться ни к чему земному, мирскому или суетному. Поэтому служить иеромонахом в миру, безусловно, не просто. Нужно помнить, что, как монах, ты должен соблюдать не только заповеди Божии, но и данные при постриге обеты. А как еще и приходской священник – обязан совмещать свой иноческий путь с пастырским трудом так, чтобы ради Христа с самоотречением служить во благо всех, кто приходит к тебе за помощью, советом или утешением.

– Но мирской дух, суетность, постоянный контроль силовых структур, участие в житейских попечениях прихожан – серьезное испытание для монаха. А в Вашем случае это испытание обещало быть далеко не кратковременным.

– Искушений и испытаний достаточно и в монастыре, ведь стены от них не уберегают. Господь, как никто иной, знает, в каких обстоятельствах полезно пребывать любому из нас. И если ты настроен жить по совести, если во всем стремишься угодить Богу и сохранить свое внутреннее монашество, то где бы ты ни был, на всяком месте: в монастыре, в миру или даже в тюрьме, – твоя душа будет получать духовную пользу. Причем, чем тяжелее внешние условия для монашеского подвига, тем сокровеннее помощь Божия для тех, кто любит Господа и уповает на Него.

А в те времена, когда советская власть закрыла многие монастыри, особый Промысел Божий вывел многих иеромонахов на служение в мир. И, несмотря на безбожную действительность, со временем вокруг их приходов возникали тайные монашеские общины.

Двадцать лет, практически каждый месяц-полтора, я ездил на Кавказ к моим старцам, во всем руководствовался их словом, примером и благословением. Я видел, на чем основывается их монашеское и пастырское служение, каков их «устав», как они ведут людей... Вся их жизнь – проповедь христианской любви. Их пример стал для меня фундаментом монашеской жизни – на него всегда можно было опереться и устоять в трудную минуту. Я старался жить в послушании и не вводить никаких новшеств «по собственному разумению», а потому расспрашивал обо всем: не только о личном, но и о вопросах, возникавших на моем приходе, о сложных обстоятельствах в жизни прихожан и всех, кто приходил ко мне за советом, благословением. От отца Виталия и Владыки Зиновия я черпал все и верил, что их неоценимый опыт поможет духовно укрепить и сплотить людей и на моем приходе в Павловке.

А монастырем для меня был мой приход. Ведь жил я при храме, большая территория прихода была в запущенном состоянии и так же, как и все строения, требовала благоустройства. И все приходилось делать своими руками. Вот, как монах, и нес послушание: все виды работ по реставрации храма, приходских зданий и благоустройству территории. Поэтому отдохнуть, полежать мне было совершенно некогда, я все время находился в движении, тогда о праздности и речи быть не могло. К тому же, все мои труды были посвящены Богу – я трудился не ради заработков, а ради того, чтобы вернуть людям храм, наладить нормальную духовную жизнь на приходе.

Помимо этого, в нашей округе было очень востребовано священническое служение: к нам приезжало множество людей. Ведь при постриге монах обещает Богу находиться в послушании не только духовнику, но и всей во Христе братии – потому на моем приходе «братией во Христе» для меня был каждый, приходивший сюда за помощью, советом и утешением. Вот я и старался никому никогда не отказывать: отпевал, соборовал, венчал, служил панихиды и молебны, – и это кроме предусмотренных уставом Богослужений...

Я считаю, что Господу было угодно воспитывать во мне монаха именно в тех обстоятельствах, на приходе в Павловке. В то время совершенно не было места лени, расслаблению или саможалению. На самоотречении, ради любви к Богу и ближним, я не считался с собой. Была такая ревность угодить Богу! Вероятно, поэтому, по молитвам старцев, Господь принимал мои труды, подавая духовные плоды в укрепление и возрастание мне и моей пастве.

Святые отцы говорят, что монашеская жизнь оправдана только тогда, когда приносит плоды по отношению к Богу, Церкви и ближним. А первый из сокровенных плодов – это любовь. Без нее любые «подвиги» и «добрые дела» – ничто.

Советское наследие в монастырских стенах...

Вспоминает архиепископ Никон:

– Когда Владыка Мефодий предложил мне взять на себя восстановление Задонского мужского монастыря, то в первую очередь я поехал к отцу Виталию. Батюшка благословил меня трудиться для возрождения этой обители.

Переступив порог территории монастыря впервые, я увидел жуткую картину: собор был огорожен забитыми в асфальт металлическими кольями, на них натянута панцирная сетка, а в ней – лишь один проход с дверцей. Так местные руководители обозначили монастырские «владения», подчеркнув, что вся территория вокруг еще официально принадлежала заводу. Для нашего жилья было отведено всего три комнаты в здании под колокольней. Мы отгородили в коридоре уголок – получилась кухня и здесь же трапезная. И на этом перечень площадей, которыми нам разрешили пользоваться, был исчерпан. Поэтому громкие слова: «Государство вернуло Задонский монастырь Церкви», – на деле означали, что вернули даже не весь храм, а лишь центральную его часть и три комнаты под колокольней для размещения братии. Но слава Богу и за это.

Остальная территория и все здания были заняты разными производственными помещениями и больничным комплексом. Большую площадь занимал, конечно, овощесушильный завод Грязинского пищекомбината. В помещении нынешней монашеской трапезной размещалось несколько его цехов, сушильни для овощей, мяса и других продуктов. При этом, некоторые заводские корпуса были пристроены к прежним монастырским зданиям: холодильный цех, весовая, лаборатория, гаражи – все это свело «на нет» былую красоту архитектурного комплекса прежних монастырских строений. Учитывая размах производства, можно было судить, насколько вся территория была «разворочена» и захламлена...

Внутри Владимирского собора – разруха. Другие монастырские храмы представляли собой еще более печальное зрелище. В храме

Владимирский собор, 1990 г.

Разрушенная колокольня, начало 90-х.

Здание монашеской трапезной, начало 90-х.

Внутреннее пространство Рождество-Богородицкого храма, начало 90-х.

свт. Тихона Задонского, в свое время возведенном на месте кельи Святителя, размещалась механическая мастерская. В храме Вознесения Христова – склад. Часовенка, где находился склеп святителя Тихона, была забита солью и находилась в ужасном состоянии: из стен торчали соляные иглы. Храм Рождества Пресвятой Богородицы был весь захламлен, там располагался цех по изготовлению кабачковой икры. От прежней колокольни сохранилась только нижняя часть, на которой вместо колоколов стояла сирена гражданской обороны и росли деревья. Сама эта часть здания была в развалинах. Ограда монастыря разрушена полностью, коммуникации сгнили...

Больничный комплекс, расположенный здесь же, обслуживал население всех окрестностей, поэтому поток людей сюда не прекращался. Вообще, по территории передвигалось множество людей: рабочие пищекомбината в белых халатах, рабочие завода, мастера, обслуживающий персонал... – порой шумели, бранились, сквернословили. В том здании, под колокольней, где нам выделили три комнатки под жилье, находилось женское общежитие культпросвет училища. По вечерам к студенткам толпами приходили гости – шум, гам, громкая музыка...

Стало понятно: будет очень сложно. Но в уме я хранил пример моих старцев: и у Владыки Зиновия, и у схиархимандрита Виталия была тяжелейшая жизнь, но они терпеливо несли свой крест, принимая любые испытания, как из рук Божиих.

Оценив обстановку, отец Никон поехал к Владыке Мефодию. На заседании Епархиального Совета его назначили наместником монастыря.

Начало…

В Задонский монастырь нового наместника перевели из Воронежского Алексеево-Акатова женского монастыря, где после Павловки он пробыл всего восемь месяцев. По благословению правящего архиерея, в Задонск с ним приехали пять матушек – из числа тех, кого он постригал в монашество еще на приходе.

Братии в тот момент в обители было человек пятнадцать. Конечно, претерпевая неустроенность духовной и материальной жизни «первопроходцев», они молитвенно отстаивали надежду на то, что Премудрый Промысел Божий позаботится о судьбе монастыря. За эти первые два года им пришлось многое пережить.

Вспоминает Владыка Никон:

– Надо было полагать начало: и строить, и служить, и общину собирать. Конечно, хотелось, чтобы монастырь был образцовым как прежде: многочисленная братия, красивые службы, красивые облачения, красивые здания... Но пока, нужно было доволь-

ствоваться и тем малым, которое мы имели: два десятка насельников, все порушенное, обшарпанное, коммуникации гнилые, крыши текут, потолки обваливаются... Потолки приходилось менять даже зимой, и вместо прогнивших деревянных балок класть двутавровые металлические балки. Все делали своими силами...

Когда мы пришли в обитель, духовной жизни, как таковой, здесь еще не было, да и собственно монастырской жизни почти не было. Первые насельники испытывали здесь очень большие трудности. До нашего прихода режим монастырской жизни был достаточно свободным, но чтобы прокормиться, братья были вынуждены ходить по Задонску, подрабатывая у местных жителей: кому дрова кололи, кому огород вскапывали или еще чем-нибудь помогали... Вероятно поэтому, из самых первых насельников лишь немногие остались в монастыре.

Поэтому, первой задачей было наладить в обители духовную жизнь. А без Богослужения – это невозможно. Но где служить? В нашем распоряжении находилась только центральная часть Владимирского собора, а все остальное пространство храма было по-прежнему занято под нужды овощесушильного завода. Вообще, картина открывалась мрачная: все в паутине, росписи практически уничтожены, пола нет – поверхность залита бетоном, пыль, грязь, оконные проемы замурованы, центральный купол перекрыт балками, а на балках – нагромождение досок... Пройти по храму в монашеской мантии было нельзя: от бетона по низу она становилась белой... Да и вообще в храм войти было достаточно сложно: ступеньки разрушены, сетка-рабица вокруг... – создавалось впечатление «клетки». Я, конечно, настоял, чтобы эту сетку убрали – зачем из монастыря делать концлагерь?

Возвращение Святителя...

Особо радостное событие произошло 26 августа 1991 года: в монастырь вернулся святитель Тихон Задонский – Небесный Покровитель нашей обители.

Все с трепетом готовились к встрече со Святителем: как могли, расчистили храм, сделали для него раку, хоть и простенькую, но тогда были рады и этому. И вот, он вернулся! Вернулся в свой разоренный монастырь, чтобы воскресить его к жизни. Сложно описать словами тот духовный подъем, который с этого дня сопутствовал насельникам монастыря. Казалось, стало легче дышать, легче служить, рассеялась гнетущая обстановка, исчез внутренний дискомфорт... Жизнь заметно изменилась, а все неудобства внутренней и внешней монастырской жизни уже воспринимались совсем по-иному. Особым знаком Божьего благоволения и покрова Святителя над возрождающимся монастырем было явное благоухание, исходящее от его мощей. Все присутствующие ощутили неповторимый аромат, благодать Божия покрывала всех... Так ознаменовалось столь желанное возвращение в обитель Небесного Игумена монастыря – святителя Тихона Задонского.

Богослужение 26 августа 1991 года

«Утверждение, на Тя надеющихся утверди...»

Вспоминает Владыка Никон:

Было понятно: для того, чтобы люди потянулись к иноческой жизни и к Богу, начинать нужно с себя – людям нужен пример. Начали собираться на утреннее правило: утренние молитвы, полунощница и чтение акафиста нашей Покровительнице – Божией Матери «Владимирской». Первоначально все приходили на правило с легкостью, с радостью. Чувствовалось единство: все вместе встречали новый монастырский день, отдавая себя под Покров Пресвятой Богородицы. Так и собирались всей семьей: правило, службы, трапеза, духовные беседы...

Люди расходились по послушаниям, я уезжал «добывать» продукты, строительные материалы, одежду – все необходимое для того, чтобы прокормить и одеть братию, и положить начало строительным и реставрационным работам. По возвращении нужно было каждому уделить время: побеседовать, поисповедовать, пройти по всем «послушаниям»... У меня такая ревность была, чтобы монастырь задышал всей полнотой духовной жизни! Многие это чувствовали и тоже загорались этим огоньком.

После вечернего правила подходили ко Кресту, прикладывались к иконам. В храме полумрак, где-то лишь несколько свечей горит... Сокровенность и таинственность этой атмосферы братского «предстояния пред Богом» очень благотворно сказывалась на общем настроении. И вот, после правила поем стихиры: «Иже Крестом ограждаеми, врагу противляемся, не боящеся того коварства, ни ловительства...», - и в конце: «Утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, Церковь, юже стяжал еси честною Твоею кровию». Затем прикладываемся к мощам Святителя, к Распятию, к иконам и выходим из храма – монастырский день завершается. И так благостно на душе – хоть небольшой шажок к Богу, но мы сегодня сделали. В возрождающейся обители каждый день приносит новые впечатления, новые уроки, новые радости.

И в трудах, и в воспитании братии и паствы архимандрит Никон всегда старался подражать отцу Виталию и Владыке Зиновию. Как вспоминают насельники монастыря, своим примером он учил с любовью относиться друг к другу, самоотверженно перекладывать на себя любой «груз», чтобы облегчить состояние ближнего, трудиться на созидание обители, не покладая сил... Поэтому, приходя в монастырь, люди видели живой пример и многие старались подражать ему.

Братия Задонского монастыря, 1992 год

Единая семья, единая душа...

Чтобы монастырь был сильным, чтобы никакие испытания не могли сломить его дух, среди братии должна быть любовь. Первые христиане жили «одной душой» и славили Господа «едиными усты и единым сердцем». Монастырь должен жить единой семьей, где каждый несет свою, личную ответственность за ее благополучие. И если повреждается и заболевает хоть один из ее членов, то ослабевает и страдает вся семья. В основе монашеского служения должна лежать всепокрывающая и всепрощающая любовь. А чтобы возлюбить ближнего, нужно приближаться к Богу – чем ближе мы к Нему, тем ближе мы друг к другу. Поэтому для того чтобы сплотиться в «одну семью», людям, в первую очередь, нужно приобретать единодушие.

Архимандрит Никон

Владыка Никон вспоминает:

Пример благого единодушия я всегда наблюдал в окружении отца Виталия. И несмотря на то, что люди вокруг него, в основном, всегда были разные – дух посреди них был один и тот же. Конечно, источником любви, вселявшей мир в сердца окружающих людей, был сам Батюшка. Даже в каждом его жесте, не говоря уже о словах или поступках, было столько любви к Богу! Поэтому Господь освящал Своей благодатью не только его и то место, где он находился, но и всех, кто мог хоть мельком соприкоснуться с ним.

Я помню, например, как мы просыпались утром и собирались на утреннее правило в келье отца Виталия. Состав молящихся каждый день менялся, а благостное состояние от молитвы со старцем оставалось надолго. По окончании правила Батюшка благословлял и осенял нас иконой Пресвятой Богородицы. И в душе такое ликование было: «Благословение получил!» Конечно, уезжая от отца Виталия, каждый из нас стремился довезти домой огонек напечатлевшегося примера христианского и монашеского образа мысли, чтобы передать его окружающим и привнести в свою жизнь этот драгоценный дух живой любви к Богу...

Те дни, которые мы проводили рядом с отцом Виталием, хоть немного «вливаясь» в «устав» его жизни, были очень значимы для последующего христианского пути каждого из нас. Можно сказать, что вновь и вновь после общения с Батюшкой совесть открывала для себя «новый уровень» дальнейших взаимоотношений с Богом. Образ того, как он поступал, как говорил, как учил, чтобы не было в жизни небрежных мелочей, как он смирялся перед каждым, как всегда стремился облегчить «ношу» ближнего, как брал на себя болезни других людей – стал для меня путеводным примером христианского и монашеского служения на всю жизнь.

После моего перевода в Задонск, полагая начало возрождению монашеской обители, я подробно обо всем рассказывал отцу Виталию, чтобы все наши начинания освящались его молитвой и благословением. Помню, как говорил ему: «Батюшка, я хотел бы, чтобы этот монастырь был основан на любви, чтобы идти к Богу единой душой, единой семьей, чтобы мы были друг к другу любвеобильны, чтобы любовь покрывала все наши грехи и недостатки...

О Промысле Божием...

Из истории мы знаем: издревле здешние земли *«пили чашу горькую до дна»*. Поэтому местный люд был привычен к скорбям, жестокости, насилию и кровопролитиям. Но что могло коснуться очерствевших сердец, чтобы обновилась судьба народная? – только Любовь, Любовь Христова. Поэтому вновь и вновь являла Свою заботу об этом крае Пресвятая Богородица: в XIV веке, спасая Святую Русь, Она явилась здесь Тамерлану; в начале XVII века собрала Она под Свой Покров иночествующих, чтобы зазвучала в этом крае монашеская молитва; в XVIII веке сюда привела Она и избранника Своего – святителя Тихона... А в конце XX века, в период общего духовного упадка, молитвами Пречистой Девы особый Промысел Божий устроил так, что возрождающийся Задонский монастырь стал преемником монашеского духа глинских старцев – духа особой любви, духа очень близкого образу и наследию самого святителя Тихона, некогда пробудившего народное сознание к поиску Божественной Истины.

Мы знаем, что к духовному наследию Задонского Святителя старцы Глинской пустыни относились с большим почитанием. Наглядно эту связь характеризует и тот факт, что схиархимандрит Иоанн (Маслов, †1991) – воспитанник Глинской пустыни, духовное чадо и ученик глинского подвижника, схиархимандрита Андроника (Лукаша) – наиболее известен как автор следующих работ: «Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении» и «Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительская деятельность в XVI-XX веках». Именно эти труды признаются венцом научно-богословской деятельности схиархимандрита Иоанна.

После закрытия Глинской пустыни в 1961 году обитатели ее рассеялись в разные стороны, многие переехали на Кавказ. Старец Серафим (Романцов) и еще несколько глинских монахов поселились в г. Сухум под покровительством митрополита Илии (ныне Каталикос-Патриарх всея Грузии Илия II). А глинские монахи, проживавшие в тот момент в г. Тбилиси, находились под покровительством митрополита Зиновия (Мажуги, в схиме – Серафима). Здесь же, в Тбилиси, жил и схиархимандрит Андроник (Лукаш), очень близки по духу они были с Владыкой Зиновием.

По благословению схиархимандрита Серафима (Романцова) в конце 50-х годов рясофорный инок Виталий отправился в Сухум, а затем поднялся в горы, чтобы подвизаться путем уединенного пустынножительства. В то время схиархимандрит Серафим служил в кафедральном соборе г. Сухум и духовно окормлял пустынников, которые время от времени, приходили к нему на исповедь и ко Святому Причастию. Где бы ни странствовал и ни подвизался отец Виталий, он всегда строго держался духовного руководства отца Серафима. Но Промысел Божий устроил так, что монашеский постриг над ним[4] в высокогорной келье совершил другой пустынножитель – иеромонах Мардарий (Данилов, †2009)[5].

В конце 60-х по благословению схиархимандрита Серафима отец Виталий покинул горы и отправился в Тбилиси к Владыке Зиновию. Схиархимандрит Серафим (Романцов) скончался 1 января 1976 года. На следующий день Владыка рукоположил отца Виталия в иеродиакона, а следом – в иеросхимонаха. Люди говорили: «Один старец умер, а другой родился». Между Владыкой Зиновием и отцом Виталием сложилась крепкая духовная связь – они очень дополняли друг друга. Своей любовью они объединяли всех: люди тянулись

---

[4] Отец Виталий принял монашеский постриг с именем Венедикт. А в начале 70-х годов Владыка Зиновий постриг его в великую схиму с наречением имени Виталий.

[5] Особым Промыслом Божиим было и то, что иеромонах Мардарий в последние годы своей жизни покинул Кавказ и переехал в Задонский монастырь, под святительский омофор архиепископа Никона. Для того, чтобы обеспечить батюшке более уединенную обстановку, его поселили в небольшом домике одного из близлежащих селений. Большим утешением для насельников монастыря было общение с блаженным старцем. Владыка совершил над ним постриг в великую схиму с наречением имени Алексий, в честь прп. Алексия, человека Божия. Ко Господу батюшка Алексий отошел 4 июня 2009 года. В окружении монастырской братии Владыка Никон отпевал его во Владимирском соборе Задонской обители. Похоронен иеросхимонах Алексий на братском кладбище, в стенах монастыря.

Глинские старцы: схимитрополит Серафим (Мажуга), схиархимандрит Андроник (Лукаш), схиархимандрит Серафим (Романцов)

Схимитрополит Серафим и схиархимандрит Виталий

и приезжали к ним со всех сторон. Среди них был и раб Божий Николай, нынешний настоятель Задонского монастыря, архиепископ Никон.

Когда святые глинские старцы: схиархимандрит Андроник (Лукаш, †1974), схиархимандрит Серафим (Романцов, †1976), и схимитрополит Серафим (Мажуга, †1985) – отошли ко Господу, духовное попечение о многих чадах почивших отцов воспринял схиархимандрит Виталий, бережно передавая наследие духа их любви к Богу, образ их смирения, всепрощения, милосердия и послушания...

В 1991 году молитвами и благословением схиархимандрита Виталия начала возрождаться Задонская обитель. Наместник ее – архимандрит Никон – один из ближайших чад Батюшки Виталия и Владыки Зиновия. О том, стал ли он восприемником монашеского духа своих старцев, свидетельствуют воспоминания монахини Анны (Ролдугиной)[6]:

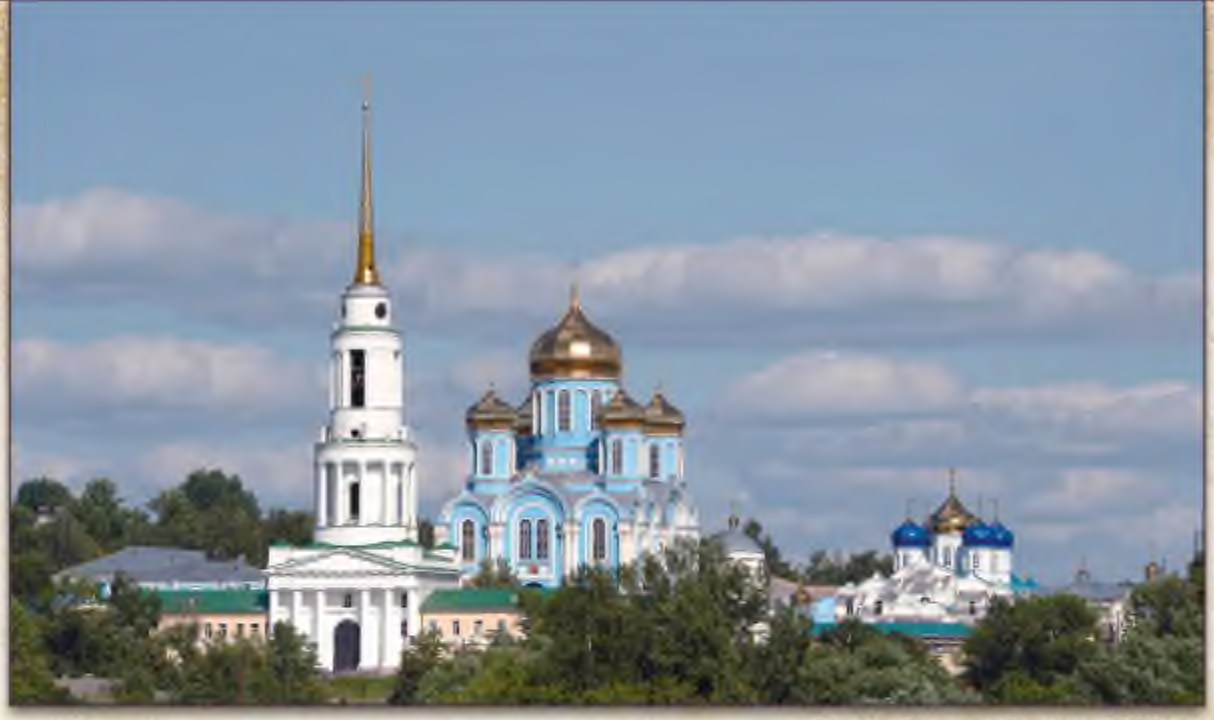
> *– Когда мы с отцом Никоном приезжали в Тбилиси, Батюшка Виталий сразу же отправлял нас на благословение к Владыке Зиновию. И вот однажды мы пришли к нему, поклонились, батюшка подходит под благословение, а Владыка говорит: «Отец Никон, я за тобой давно наблюдаю и хочу тебе сказать, что после отцов Серафима, Андроника и Виталия, ты – мой четвертый сыночек». Я увидела, как тогда у о. Никона навернулись на глаза слезы. Он только произнес: «Владыка, я не достоин...» Дело в том, что в то время среди духовных чад Владыки Зиновия было и немало архиереев, а такие слова от него услышал обычный батюшка...*

Владыка Никон благоговейно хранит то духовное сокровище, которое передали ему отец Виталий и Владыка Зиновий. Его сокровенным желанием было возродить Задонскую обитель в духе их любви к Богу, чтобы собралась здесь братия, способная воспринять и продолжить ту традицию духовного окормления, которую он унаследовал от своих отцов...

В 1992 году Батюшка Виталий перешел в Вечность. В последние полтора года своей жизни он много молился о возрождении Задонской обители, о том, чтобы Господь собрал здесь братию, искренне преданную Богу и монастырю, избранному монашескому пути

---

[6] В конце 70-х годов по благословению схимонахинь Филареты и Евстратии, келейниц почившей схимонахини Антонии (Овечкиной), раба Божия Анна приехала в Павловку, чтобы помогать иеромонаху Никону на восстановлении прихода. В течение многих лет она окормлялась у схиархимандрита Виталия и Владыки Зиновия и вместе с отцом Никоном регулярно ездила в Тбилиси. Там же в Тбилиси, на Дидубе, в 1885 году Батюшка Виталий келейно совершил над ней монашеский постриг. В 1991 году вместе в архимандритом Никоном она приехала трудиться на восстановление Задонского монастыря. До сего дня монахиня Анна - келейница Владыки Никона. Так благословил отец Виталий.



Возрожденная обитель, 2010 год.

и служению ближним. Несмотря на тяжелые болезни, он отводил большое внимание духовным напутствиям первых насельников возрождающейся Задонской обители. Архимандрит Никон очень хотел, чтобы каждый из насельников успел духовно соприкоснуться с Батюшкой, получить от него благословение и молитвенное напутствие. Как никто иной, отец Никон знал силу и значение молитв Батюшки для христианского возрастания души. Отвечая на письма задонской братии, отец Виталий разрешал все их недоуменные вопросы, благословляя и молитвенно призывая им в помощь содействие благодати Божией...

Как-то, в одной из бесед с архимандритом Никоном, Батюшка сказал: «Отец Никон, за твою обитель у меня всегда горит свеча...» Он искренне радел о том, чтобы собрались под Покровом Пресвятой Богородицы преданные Богу христианские сердца, чтобы усвоили они избранный спасительный образ жизни и дух той жертвенной любви, пример которой оставлен нам святителем Тихоном Задонским. Примером такой любви стал для нас и сам отец Виталий, и Владыка Зиновий, ныне уже прославленный в лике святых с глинскими подвижниками: преподобными Серафимом (Романцовым) и Андроником (Лукашем) .

После ухода схиархимандрита Виталия, все реже стали приезжать на Кавказ боголюбивые христиане, почитавшие духовное наследие глинских монахов. Теперь многие чада отца Виталия и Владыки Зиновия потянулись в Задонск: «К своим!»

Так в свое время, после закрытия Глинской пустыни в 1961 году, средоточие глинской традиции духовничества перешло на Кавказ, под Покров Царицы Небесной – святая Иверия издревле почиталась Ее уделом. Иноки Глинской пустыни с большим благоговением относились к Пречистой Деве. Особо почитаемым для них был Образ Рождества Пресвятой Богородицы, т.к. монастырь Глинской пустыни был основан именно в честь и во славу Рождества Пресвятой Богородицы. А, спустя 30 лет, этот «огонек» зажегся в центральной части России... Господь избрал Задонскую обитель, чтобы под Покровом Царицы Небесной и святителя Тихона сохранился дух особой любви святых глинских подвижников, чтобы братия возжигала от него лампады своих сердец, воспринимая их духовные традиции и прославляя Бога. Так духовная традиция глинских отцов положила начало возрождению иноческого жития на Задонской земле. Здесь каждого встречает святитель Тихон и, как прежде, избирает насельников и принимает их под Свой Покров Сама Пресвятая Богородица...

Но есть еще один интересный факт... Можно рассматривать его, как совпадение, но, вероятно, так, через слово правящего архиерея, утвердился Божий Промысел: ведь ранее, до закрытия в 1929 году, Задонский монастырь именовался «Богородицким», а возрождение обители, к удивлению многих, принесло ей иное наименование – в честь Рождества Пресвятой Богородицы...

Каждый монастырь – это, своего рода, «цветник». А братия или сестры – «букет цветов», в котором у каждого своя неповторимая красота, своя тайна, своя история встречи с Богом. Они подобраны Творцом в единый «букет» для того, чтобы рядом с «неодинаковыми соседями» удобнее раскрывался внутренний замысел о каждом человеке, чтобы, глядя на более сильных, хотелось бы тянуться за ними к Истине, а, распознавая рядом более слабых, была бы возможность подать им руку помощи, открывая в себе непознанные глубины христианской любви, терпения, милосердия и кротости.

Люди очень разные: неодинаковой крови и наследственности, неодинаково образованные и воспитанные, с разными привычками и талантами. Им дана неравная сила и здоровье; у них различные особенности, склонности, влечения и желания. Они не одинаковы ни духовно, ни душевно; они – различного ума, различной доброты, несходных вкусов; каждый со своими воззрениями и со своим особым мировосприятием. Но человек создан Богом, поэтому каждая душа имеет потребность в Богообщении и ищет Творца – хотя и такое стремление у всех проявляется по-разному. Господь зрит в каждое сердце, Он зовет, Он ждет любви и верности. Он никогда не превысит меру человеческих сил, а потому не всем дает равные права и не налагает на всех равную ответственность... Но тем, кто способен вместить и понести большее, Он дарует особую благодать – идти путем иноческим.

Монастырь... Сюда Господь приглашает тех, кто, услышав Его зов, выбивается из толпы, чтобы последовать за Ним; кто решает оставить все мирское и, не оборачиваясь, войти в иную жизнь, полагающую крепкий, сокровенный союз с Богом. В монашестве человек отрекается своего «Я» и всецело отдает себя на служение Богу. Поэтому такой союз может быть лишь осознанным, желанным и добровольным. Ведь никому не угодны «дары» по принуждению...

Конечно, в тех условиях, в которых начинали свое служение архимандрит Никон и первые насельники монастыря, было нелегко собрать братию. Но волна притекающих в возрождающуюся обитель вскоре оживилась. Среди приезжающих были люди, имеющие разный духовный уровень и опыт: и те, кто желал внести свою малую лепту в возрождение обители; и души любопытствующие, не определившиеся в Истине, но подсознательно ищущие Ее в системе предложенных им жизнью ценностей; и те, кто ранее уже испытывал себя на поприще монастырской жизни, неся послушания в иных святых обителях; и другие люди – с разными судьбами, взглядами, мотивами...

Вспоминает Владыка Никон:

– Пожить и потрудиться приходило очень много людей, но мало кто задерживался надолго. Поначалу смотрю: на крыльях летают. А потом, вероятно, все же поддавались на вражеские увещевания и между ними начинались неурядицы. С этим, конечно, шли ко мне. В то время мне приходилось очень много беседовать с ними, наставлять, рассказывать о жизни подвижников благочестия: наших глинских старцев, схимонахов и схимонахинь, живших во времена гонений на Липецкой земле – схимонахини Антонии (Овечкиной, †1972), схиигумена Митрофана (Мякинина, †1964), схимонаха Иоасафа (Моисеева, †1976) и других. Я приводил пример жертвенного служения и любви к ближним Владыки Зиновия и отца Виталия, упоминал о том, сколько терпения и смирения было в этих старцах перед всеми, кто старался их оклеветать, унизить, оскорбить... Как их кротостью, смирением и любовью смягчались ожесточенные, озлобленные сердца, как люди обращались к Богу. Говорил и о том, сколько тягот они брали на себя, чтобы утешить, выслушать, помочь, облегчить состояние чьей-то души...

Поэтому, конечно, все, кто был способен вместить и принять дух такой любви за основу жизни, тот просто «вливался» в нашу семью. Было радостно, когда в людях появлялась духовная ревность так же жить, подвизаться, отрекаясь ради Господа от всего мирского и суетного, от комфорта, вкусных явств и вин... А недовольные со

Насельники Задонского монастыря, 1995 год

временем все равно уходили. Правда, их особо никто и не держал: мы считали, что первоначально должны подобраться и объединиться в семью такие единомысленные люди, которые и жизнь свою положат за монастырь.

Сердца, способные к монашескому служению, избирает Сам Господь, их призывает на иноческий путь Пресвятая Богородица. Об отклике на этот призыв, о выборе и покорности Промыслу Божию нам поведали некоторые давние насельники святой Задонской обители:

Игумен Трифон, благочинный монастыря:

Иногда и сам удивляюсь, как попал сюда. В Воронеже я ходил в храм святителя Николая, иногда бывал на праздничных службах в Акатовом монастыре. И вот там, в обители я видел архимандрита Никона. Тогда мне было неизвестно, кто этот батюшка, но очень нравилось, как он служил, и почему-то казалось, что его облачения как-то по-особому подчеркивали праздничную атмосферу. Так я его и запомнил.

А в нашем храме святителя Николая я познакомился с Сергием, он был студентом Воронежского лесотехнического института. Иногда мы с ним немного помогали читать на клиросе. Однажды, летом 1991 года, когда я сдал сессию и перешел на пятый курс Воронежского медицинского института, еду в трамвае, смотрю: Сережка с чемоданами.

– Ты куда собрался?

– Все, я больше учиться не буду, в монастырь уезжаю.

Я очень удивился: «Зачем? Куда?..» Но ни о чем его не спросил.

Вскоре в нашем храме батюшка объявил, что можно поехать в Задонск на перенесение мощей святителя Тихона. У меня тогда, помню, появился ряд вопросов: «Что это еще за «Задонск»? Кто такой святитель Тихон? Что еще за монастырь?»

Так, 26-го августа 1991 года, я впервые приехал в Задонский монастырь и встретил здесь нашего Сергия (ныне иеромонах Исаакий) – тогда он был уже послушником, в подряснике.

После службы он меня подвел к тому самому батюшке, которого я видел в Акатовом монастыре, под благословение – это был архимандрит Никон.

По возвращению в Воронеж мысль о том, что надо бы еще съездить в монастырь, не оставляла меня. Собрался и опять поехал. Попал к отцу Никону на исповедь... И, как мне казалось, как-то, само собой получилось так, что я постоянно начал сюда ездить, когда было свободное время между занятиями, обычно в субботу и воскресенье. В субботу приезжаешь, потрудишься, помолишься, поисповедуешься, причастишься, а в воскресенье вечером – уже обратно, в Воронеж.

Около года я так ездил туда-сюда и «доездился» – понял, что ничего другого в жизни мне и не нужно. Даже не знаю, почему, но другой мысли уже и не возникало: «В Задонск надо ехать, здесь трудиться – и всё». Хотя до Задонского монастыря я бывал в Троице-Сергиевой Лавре, у духовника Лавры мы с братом брали благословение и на поступление в институт, и на службу в армии... Иногда мы туда ездили, чтобы поисповедоваться и причаститься. Но таких мыслей: «Уйти и всё!» – никогда не появлялось. Мне и в институте нравилось учиться, и учеба давалась – хирургом хотел стать. Ходил на практику, даже иногда принимал участие в проведении операций... И вот разумом, вроде, и хотел стать хирургом, а в глубине души было такое ощущение, что не мое это, что-то здесь не так...

Я понимал, что где бы я ни был, в жизни придется много трудиться. Мне стало интересным только то общение и та жизнь, с которой я соприкасался в Задонском монастыре. Поэтому и трудиться мне захотелось именно здесь. Несмотря на внешнюю неблагоустроенность обители и отсутствие каких-либо комфортных условий, внутренняя обстановка здесь была очень теплая, домашняя: семья чувствовалась, «одна душа»... Службы мне очень нравились. Владыка (он тогда архимандритом еще был) – открыт и прост в общении, с ним можно было обо всем поговорить, за ним хотелось духовно тянуться. А по вечерам, после трудового дня, иногда собирались все вместе и с Владыкой пели духовные песни...

И вот, летом 1992 года, Владыка благословил, родители тоже благословили, забрал документы из института и с одной сумкой приехал в монастырь. Владыка встретил:

– Приехал?

– Приехал.

– Ну, хорошо. Иди, там место есть, заселяйся...

В тот момент я думал только о том, что пришел здесь жить, воспитывать свою душу и трудиться на благо монастыря. И всё: ни о каких постригах или «регалиях» я не задумывался. Правда, Владыка сразу же отправил меня в «швейную», чтобы с меня сняли мерки на подрясник. Так на третий день я уже был послушником и меня благословили нести послушание в алтаре.

Иеромонах Трифон, 1993 год

Игумен Феофан, художник-реставратор:

Шел 1990 год. Тогда я только встал на путь воцерковления и искал такого священника, который бы мог соответствовать моим внутренним «запросам»... И вот в Акатовом монастыре увидел седовласого батюшку, у него была длинная борода с проседью. В тот момент он что-то говорил с солеи. Чтобы мне было удобно слушать его, я так вальяжно облокотился о стенку, руки в карманах... Думаю: «Ну, что мне может этот дедушка сказать? Я-то художник...» И вот с таким сердечным расположением я стал слушать первую для себя проповедь, ныне Владыки Никона. Очнулся я уже тогда, когда понял, что по щекам моим текут слезы, а руки вытянуты строго по швам – я уже не «подпирал стенку», а стоял как оловянный солдатик...

Из храма вышел с новым чувством: я понял, что есть что-то, что имеет огромную силу. Обычные слова, которые необычно трогают сердце и душу. Я стал вспоминать, о чем же он говорил? Что меня так потрясло? И понял, что ничего особенного, но эти слова меня в тот момент изменили. Тогда я так гордо пообещал себе, что это будет первый священник у которого я причащусь. Ну, а внутренне, наверное, подразумевал: «...у которого буду окормляться». В то время я еще не понимал, что это значит, но потянулся к тому батюшке всем сердцем.

Вскоре мы с одной моей знакомой пришли к нему на исповедь. И когда подошла наша очередь, оба были поражены: мы, такие разговорчивые и уверенные в себе, вдруг становимся кроткими и бессловесными, когда нужно отвечать за свои поступки. Я еще что-то там «промычал», а она и вовсе слов не нашла. Владыка (тогда еще архимандрит) немного пошутил с нами, подбодрил и в дальнейшем всегда ласково приветствовал, когда мы приходили вновь.

И вот наступил момент когда я подготовился к Святому Причастию. Прихожу в Акатов монастырь, а на месте архимандрита Никона стоит очень молодой священник! О котором я тут же по гордости подумал: «Ну, что мне может сказать этот парень, ровесник мой? Ведь у меня такие сложные вопросы...» Расстроился, конечно, ведь обещал себе первый раз причаститься у отца Никона, но мне так стало жаль всех моих усилий по подготовке к Таинству, что я все же пошел и на исповедь, и к Чаше. Выяснилось, что архимандрита Никона перевели в Задонский монастырь...

Архимандрит Никон. Проповедь

Не откладывая, я сразу поехал в Задонск. Вошел в обитель, а тут кругом разруха. Поднялся по лестнице туда, где жил архимандрит Никон. Простоял у двери минут 15. Потом из комнаты вышел монах, я понял, что можно войти, но боялся постучаться и так стоял еще минут 10, пока отец Никон не вышел сам: «Вы ко мне?» – и пригласил войти.

В этот момент и произошло более глубокое наше знакомство. Конечно, сейчас сложно передать, как драгоценны для меня были те мгновения. В разговоре мне казалось, что сама любовь изливалась на меня – я почувствовал от Владыки такое искреннее соучастие в моих проблемах: с каким вниманием он слушал каждое слово, как он тут же реагировал советом или каким-то комментарием... Из обители я уехал с радостью и воодушевлением. В моем сердце зародилось желание стать лучше, и я уже понимал, что буду возвращаться сюда вновь и вновь...

В течение полутора лет я приезжал в Задонск еще раз пять: исповедовался, причащался, беседовал с отцом Никоном. Но параллельно ездил и в Оптину

пустынь – никак не мог определиться, где мне лучше. Потом понял, что каким бы благодатным местом ни была Оптина, сердце мое стремится в Задонск. Здесь мне все казалось «родным»: я чувствовал себя практически членом их сплоченной семьи. Я не был уверен, в том, что хотел бы идти монашеским путем, но где-то в глубинах моего сознания такая мысль все же «теплилась». Вероятно, Господь это видел, поэтому и приближал меня к отцу Никону.

1993 год. Послушник Георгий (будущий игумен Феофан)

Шел 1992 год. Мне довелось тогда работать художником в кинотеатре «Пролетарий» – это очень крупный кинотеатр Воронежа. Я рисовал плакат в тот момент, когда вошла одна моя знакомая и принесла мне весть из Задонска: «Отец Никон благословил, чтобы ты собирал вещи и приезжал в монастырь». Моя рука с кистью была поднята вверх – я что-то писал на плакате. И когда я услышал эти слова, кисть стала медленно опускаться по холсту вниз, уверенно перечеркивая всю мою работу. В этот момент, если можно так сказать, рвались все ниточки с миром: я видел, как оставляю работу, свой дом, своих друзей. И это чувство принесло мне такое облегчение – передо мной открывалась совсем другая, еще не ведомая, глубина. Молитвами отца Никона, я с лёгкостью отказался от всего, что меня окружало. Наверное, потому, что душа всегда стремится к полноте, а в миру такой полноты я найти не мог...

Иеромонах Афанасий:

Это было в 1974 году. Я летел на кукурузнике из Воронежа в Бурдино. И прямо напротив меня сел какой-то батюшка. На нем был подрясник, плащ, шляпа, а в руках потрепанный коричневый саквояжик. Как выяснилось через много лет, это был отец Виталий. Он часто бывал в Бурдино, в советское время там была монашеская община.

И вот он сидит, глаза так смиренно в пол опущены. Я думаю: «Интересный поп... Практически всех мутит вокруг, а он спокоен, сидит, думает о чем-то». Вдруг первая посадка: самолет как дернется, винт выключили, мотор затих. Все переполошились, я думаю: «Ну все! Падаем!» – и заметался, а поп как сидел, так и сидит. И вот он тогда привлек меня как личность – какая-то в нем сила и спокойствие чувствовались. Думаю: «Странно... На дворе век космический, как можно в этих богов верить?»

Всю дорогу я на него глаза таращил. Все думал: «Интересно, он в храм, как на работу ходит: что-то там пробубнит и все? Или, может, он как-то глубоко верит во внутренние резервы человека? Спросить бы у него, – думаю, – вот сейчас он будет выходить, а я выскользну впереди него и руку подам. А там, и заговорить попробую...» Но получилось так, что он вышел раньше, чем я. Но я, как привязанный, следом за ним пошел, хотя мне идти совсем в другом направлении надо было. Смотрю, а там впереди человек пятьдесят: монахини, схимницы... Он приближается к ним и бух им в ноги, как я сейчас понимаю, земным поклоном, а они – ему. Ну, в этот момент я понял, что мне тут делать уже нечего, и пошел в свою сторону, но длинной дорогой – мне все это обмозговать надо было.

Спустя двадцать лет, в 1993 году, когда я уже был знаком с архимандритом Никоном, то понял, что в тот день Господь меня сподобил встретиться с отцом Виталием. Конечно, я рассказал об этом отцу Никону. Меня интересовало, имела ли для меня какое-то значение тогда эта встреча? Владыка ответил: «Конечно. Он молился за тебя. Ты же его глазами

Послушник Димитрий (будущий иеромонах Афанасий)

сверлил, а он, видя состояние твоего сердца, молился о том, чтобы ты к Богу пришел. Молитва отца Виталия имеет большое дерзновение перед Богом».

Работал я инженером, руководил лабораторией... Конечно, внутренне всегда искал каких-то истин. Но воцерковление мое началось с книги Серафима Роуза «Православие, XX век». В ней я увидел слова Христа, и они меня покорили: «Я есмь Путь, и Истина, и жизнь» (Ин 14:6). Вероятно, через них Господь коснулся моего сердца.

Тогда многие мои знакомые всё искали чего-то, кто чем увлекался: медитациями, восточной философией, йогой и т.п. А я говорю им: «Истина – это Христос! Все остальное – чепуха. Чего вы еще ищете?» Начал покупать духовную литературу. Пошел в храм, а ведь не знаю ничего! Страшно. Даже как перекреститься, не знаю. Подглядел, как люди крестятся... Прочитал книгу «Отец Арсений» и сразу понял: нужен духовник. Посмотрел на некоторых батюшек, они мне не понравились. Посмотрел вокруг, жена и сын дома сериалы смотрят, я говорю: «Вы как хотите, а я поехал в Задонск...»

Приехал в Задонский монастырь. А вот архимандрит Никон мне сразу понравился. Меня к нему нынешний игумен Феофан подвел (тогда он иноком Никодимом был). Подходим мы к нему, а я не знаю как себя вести, перекрестился и поклонился ему в ноги. А он благословил меня и говорит:

– Да ты перед иконами крестись, а я-то что?

– Ну, я не знаю, как надо...

– Ты приезжай к нам – узнаешь. Будем знакомы.

Вот так, молитвами отца Виталия, я и пришел к Богу, да сразу – в Задонск, где и нашел себе духовника. Я Господу за это очень благодарен.

Потом в течение нескольких лет время от времени я приезжал в монастырь потрудиться. Никаких мыслей о монашестве у меня тогда не было. Но когда я приходил на правило, то с замиранием сердца смотрел на монахов: стоят строем в два ряда на акафисте, так красиво поют, черные ризы... Я думал: «Святые люди... Какое счастье, что они свободны, могут нести такое служение Богу... А я не смог бы так рано каждый день вставать...»

А потом, в 1996 году, когда очередной срок моего пребывания подходил к концу, я подошел к Владыке за благословением на дорогу. А он говорит: «Что тебе там, дома, делать? Поживи еще...» Живу еще, опять подхожу:

– Батюшка, надо домой ехать.

– Нечего тебе там делать. Оставайся здесь.

– Ну, как же? У меня же жена, сын в девятом классе учится.

– Им, конечно, без тебя поголоднее станет, но все это будет им во благо. Лучше тебе здесь ради Господа потрудиться да молиться о них, чем «сникерсами» их кормить да в модную одежду одевать... Если ты здесь потрудишься, то там за ними Сам Господь приглядит...

– Как благословите, Владыка. А что же я жене скажу?

Он говорит:

– Я с ней договорюсь...

И, действительно, когда жена и сын приехали к Владыке, на удивление, она так мужественно всё восприняла, говорит:

– Да, Владыка, хорошо. Пусть так. Он ведь всю жизнь что-то искал, метался... Может, здесь и нашел?

А мы-то думали, у нее истерика будет! Тогда я понял, что благословение и послушание – вещь очень серьезная. Потом, может, и случались некоторые шероховатости – нелегко им с сыном было, но вернуться она мне уже и сама не разрешала. Владыка нам, конечно, очень во всем помогал. Я бы сказал, за руку нас вел... Его благословением и молитвами сын с медалью окончил школу, затем с красным дипломом институт, потом и аспирантуру.

Когда учеба окончилась, мы пришли к Владыке, сын протягивает ему все свои красные дипломы и говорит: «Владыка, это Ваши дипломы». Три месяца он еще проработал в миру программистом, а потом Владыка говорит: «Ну, все, поработал и хватит. Приходи в монастырь». Вскоре мы все приняли монашеский постриг.

Сегодня мы с сыном – иеромонахи, а моя бывшая жена – схимонахиня. Так, по молитвам отца Виталия и Владыки Никона, серьезно изменилась наша жизнь. Оглядываясь на пройденный путь, я понял, что через слово и благословение духовника нашей жизнью управляет Сам Господь. И если с таким расположением, учась слышать духовного отца не только ухом, но и сердцем, отсекать свою волю и быть в послушании, то, действительно, Господь во всем покроет Своею благодатию и выведет на путь спасительный. А в монашестве послушание и самоотречение сугубо важны...

Игумен Евфимий:

Я родился в Глухове – это небольшой старинный город в Сумской области, в 15 км. от него расположена Глинская пустынь. В 1961 году монастырь был закрыт и братия разъехалась кто куда, а возрождение обители началось лишь спустя тридцать лет.

В детстве бабушка водила меня в храм. Однажды на Литургии, когда пропели «Отче наш...», ко мне подошел местный блаженный. Звали его Илюша, он раньше жил около Глинской пустыни и окормлялся у старцев. Тогда он протянул мне крестик и сказал: «Ты батюшкой будешь, нашим православным...»

Шли годы, я закончил медицинское училище и собирался получать высшее медицинское образование. Поехал поступать в Киевский университет на кафедру военной медицины, но произошла какая-то заминка с документами, и даже стать абитуриентом мне не довелось. Тогда на память вновь пришли слова нашего блаженного, я подумал: «Может, действительно, в семинарию? Говорил же он, что батюшкой буду...» – но дальше мысли дело не продвинулось. Я вернулся в Глухов и сдал документы в Педагогический университет на факультет биологии.

Возникла дилемма: что делать дальше? У меня голова была «повернута» к медицине, а здесь, раз! – и вдруг педагогика. Я чувствовал, что это – не мое. Какой-то внутренний поиск во мне присутствовал, наверное, с самого детства. Помню, мне еще года 4 было. Когда мы ложились спать, то, чтобы я не свалился с кровати, бабушка всегда укладывала меня поближе к стенке. А я все время боялся, что бабушка умрет и что же тогда будет? Сижу и плачу навзрыд. Она спрашивает: «Ну, что ты плачешь?» А я сквозь слезы: «Вот ты сейчас живешь, а потом всё?..» Она: «Ну что тебе такие глупые мысли в голову лезут?» А я все равно сижу и плачу...

Еще в училище я начал искать смысл жизни. Потому что то, как жизнь шла «по накатанной», меня уже не устраивало. Я четко ощущал, что чего-то не хватает. Смотришь на окружающий мир, а всё – бессмыслица какая-то. Начал искать. Тогда в моде было увлечение восточной и западной философиями, пытался читать книги и по атеизму. Там у них свои ответы, которые меня никак не устраивали – не убеждали и всё... Вроде пустота, зачем в пустоту погружаться? Но параллельно я уже потихоньку читал «Новый Завет». Слова Писания были для меня глотком свежего воздуха. Я чувствовал, что здесь все правильно, а пообщаться на эту тему не с кем. Мне было необходимо, чтобы кто-то дал мне конкретный ответ.

И вот, когда я уже учился в университете, кто-то подсказал, что открылась Глинская пустынь. У меня созрело желание обязательно туда добраться. Март месяц, неожиданно

потеплело – и однажды утром, как сейчас помню, 28 марта, я отправился в свое первое паломничество: пошел пешком из Глухова в Глинскую пустынь. Перед выходом бабушка говорит: «Что ж ты в старых ботинках? Надевай новые». Ну, вот в дороге я эти новые ботинки и «расходил» вместе с ногами...

Добрался до монастыря, встретился с благочинным – иеродиаконом Игнатием. Мы побеседовали, пошли на кладбище, где старцы похоронены... У меня одна мечта: посидеть! А отец Игнатий водит меня, рассказывает, показывает все... Вечером вернулся домой, а ноги до крови стерты, все в волдырях... Но, несмотря на «побочные эффекты» моего путешествия, в тот день я многое для себя понял.

Поэтому, когда пришла Пасха, я снова отправился в Глинскую, но уже на велосипеде. Опять встретился с отцом Игнатием, он сказал: «Ну вот! А я молился: если еще вернется –значит, наш; а если нет – значит, просто приходил полюбопытствовать...» Так началось мое общение с глинскими монахами, они мне книги давали почитать, что-то разъясняли...

И вот, однажды в алтаре меня подвели на благословение к архиепископу Ионафану. Он спросил:

– Где учишься?

– В университете.

– Вот видишь, отец Алипий, вот тебе и глас Божий. Вечером его в иночество пострижете, и будет он тебе в университете помогать с факультативом.

Я вышел под впечатлением. С одной стороны, мысли такие тщеславные появились: «Вот, иночество... Они в рясах ходят...» Но здравый смысл говорит: «А дальше что? Надо как-то определиться в жизни». Тогда я уже книги о монашестве почитывать начал. Решил поговорить с настоятелем обители, отцом Геронтием. Он спросил: «Ты зачем хочешь пойти в монахи?» – я говорю: «Монахи, как ангелы славословят Бога», – в общем, ответил так, как в книге прочитал. А он говорит: «Давай оставим красивые слова и поговорим о том, без чего монашества быть не может. Вот представь: для того чтобы получить слиток золота, его сначала надо отмыть, очистить, переплавить в горниле – так и монахом сразу стать невозможно, Господь будет очищать и воспитывать твою душу в «горниле» испытаний. Представь себе мужчину в расцвете сил – это какая-то увлекательная деятельность, разносторонние интересы... А для того, чтобы стать монахом, нужно себя, практически, во всем ограничить, от многого осознанно отказаться, заключить в определенные рамки, отречься своей воли и желаний...»

Надо сказать, что где-то в глубине души у меня подобные мысли тоже были, но хотелось услышать авторитетное мнение. На том и закончили. От пострига я отказался, но владыка благословил меня пономарить в храме, чтобы службу подучить и к монастырю готовиться. А в храме я познакомился со схимонахиней Евстолией, она там была алтарницей.

Матушка пригласила навещать их, я стал приходить. Они жили втроем: две схимонахини и архидиакон Лонгин. Было интересно бывать у них: мы вместе молились, разговаривали... Матушка давала мне книги почитать, сама многое рассказывала, часто зачитывала наставления из писем отца Виталия, вспоминала об отце Серафиме (Романцове) – от нее я многое узнал о глинских старцах.

Матушка Евстолия окормлялась у духовников Глинской пустыни еще до войны. Обитель была насильственно закрыта в 1922 году и возобновлена лишь спустя 20 лет, в 1942-м. Большинство из братии Глинской пустыни в тридцатые-сороковые годы находились в ссылках и лагерях. Когда обитель была вновь открыта, из ссылок вернулся иеросхимонах Серафим (Романцов). Матушка стала его духовным чадом. А в 1948 году отец Серафим привез из Таганрога послушника Виталия (Сидоренко). Но прописку в монастыре отцу Виталию дать не могли: у него не было документов. Поэтому ему приходилось часто скрываться от преследования властей. В течение шести лет, по благословению отца настоятеля, его часто прятали на печке в доме родителей матушки...

Восстановление колокольни, конец 90-х

После смерти отца Серафима матушка Евстолия окормлялась у отца Виталия и Владыки Зиновия. Она ездила в Тбилиси до тех пор, пока был жив отец Виталий – в общей сложности, их общение длилось 45 лет. Пример ее жизни, ее рассказы о глинских старцах укрепили мое стремление к монашеству.

У меня были мысли уйти в Глинскую пустынь, но как-то я пришел к ним в обитель на службу под Троицу, и длилась она с пяти до одиннадцати часов вечера. Я еле выстоял – даже кожа на спине заболела. А утром у них служба с шести и до полудня... И тогда я подумал: «Может, я погорячился? Наверное, пока рановато...»

Когда матушка поняла, что у меня сформировалось желание идти в монастырь, она сказала: «Я только не знаю, куда тебя направить... Думаю, надо к своим ехать». Она хотела, чтобы я начинал иноческий путь там, где есть преемственность духа от прежних глинских отцов. А современная Глинская пустынь начиналась с нуля, и среди ее духовников не было никого, кто лично общался бы с прежними старцами. Потом, немного спустя, она говорит: «Вот, может, в Задонск поедешь к архимандриту Никону? Я помню его. Он к отцу Виталию часто приезжал. А теперь к нему в Задонск многие ездят. Вот и наш протоиерей Владимир из Сум часто бывает у него. Оба они в свое время окормлялись у наших старцев...»

Был январь 1996 года. Мы с архидьяконом Лонгином выехали в Задонск. Первое впечатление об обители у меня сложилось довольно непонятное... Мне было привычно, что Глинская пустынь находится в лесу: вокруг тишина и ничего лишнего. А здесь заходим на территорию, а там суета. Из того, что намекало бы на присутствие в этом месте монастырской жизни, я увидел только храм и какого-то послушника, одиноко стоявшего в тот момент на паперти. Осмотрелись по сторонам: колокольня еще разрушена, а над ней, поскрипывая, нависает огромнейший кран; рядом с храмом – весовая, мимо которой проезжает какой-то «газончик», и мужик «в три этажа» на него орет: «Ты куда поехал?!!»

Я думаю: «Вот это я попал...» Зашли в храм: всё в строительных лесах, незабвенный монах Лазарь стоит в лавке, здесь же нынешний иеромонах Иосиф (он тогда еще был иноком Захарием)... Обратились к нему:

– Мы к отцу Никону приехали из Глухова, хотели с ним повидаться.

– Так он уехал.

Тут мы совсем огорчились. Владыка раньше с утра уезжал за пожертвованиями для монастыря, а к вечеру возвращался, но мы-то этого не знали. Поселили нас в келье «под лестницей». Вдруг, забегает отец Иосиф: «Батюшка приехал. Он спрашивает, вы из Глухова? Идите, он вас ждет». Мы зашли, сидим под дверью его кельи, выходит отец Никон: в коричневом подрясничке, такая длинная седая борода, – и говорит:

– Вы из Глухова приехали?

– Да.

– «Яко по суху пешествовали» или «яко по морю»?

– «Яко по суху», батюшка.

– Слава Богу, покушаете и ко мне зайдете.

К тому времени трапеза уже закончилась, но нас очень радушно накормили. Когда зашли к Владыке, я передал письмо от матушки. Она написала ему обо мне, и некоторые личные вопросы у нее к нему были. Владыка говорит: «Хочешь монахом быть? Это хорошо. Живи в миру по-монашески. Не ходи в кино, на увеселительные мероприятия, телевизор не смотри. Мясо дома пока можешь есть, чтобы не выбрасывать, а если хочешь и от мяса отказаться, то готовь себе отдельно». Я не удивился, потому что и матушка уже ко всему этому подводила. А про мясо она так подсказывала: «Возьмешь котлету, покрошишь по тарелке – вроде бы и начато, но не доедено...» – потом как-то так я и поступал или, если бабушка мясо даст, я пойду его обратно в суп положу – вроде что-то ел. От телевизора, конечно, посложнее отказаться было...

Тогда оставили нас ночевать в коридоре. Утром на правило пошли, Литургию отстояли. Я для себя отметил, что в монастырской лавке книг много, а на Украине их найти тогда очень сложно было. Я у Владыки спросил: «Батюшка, а какие мне книги читать?» Он посмотрел: «Да, вот – Тихона Задонского». Меня как-то не впечатлил его ответ. Тогда на слуху был Иоанн Лествичник, авва Дорофей, а труды святителя Тихона я сразу во внимание не принял – и зря не прислушался к словам Владыки. А, уже живя в монастыре, когда начал читать Святителя, удивился, как доступно он говорит о духовной жизни: на понятном языке, в простых ответах, на обычных жизненных примерах...

Послушник Виктор (будущий игумен Евфимий)

Побыли мы в монастыре неделю и уехали. Вернулся домой, а там – новое испытание: отцы Глинской пустыни меня опять «в оборот взяли», но уже не с постригом, а с рукоположением. Батюшка говорит:

– Давай мы тебя рукоположим. Ты службу уже знаешь.

– Батюшка, да я еще «зеленый».

– Ничего, дозреешь...

Напряженный момент был: я понимал, что если меня сейчас рукоположат в Глинской, то о Задонском монастыре можно и не мечтать. А я часто вспоминал, как там на утреннем правиле братья выстраиваются на акафист, прославляют Богородицу... Тут мне сообщили, что архимандрит Никон уже стал епископом, и я ему позвонил:

– Владыка, благословите.

– А, Виктор из Глухова, Бог благословит!

– Да вот, прошу Ваших святых молитв. Меня здесь хотят рукоположить. Помолитесь, чтобы не рукоположили.

– Помоги, Господи!

Я продолжал ходить в университет, при храме помогал, но у меня

появилось такое чувство, что вот сейчас в жизни наступает переломный этап. И в мае я снова приехал в Задонск, чтобы с Владыкой поговорить и на послушаниях с братией потрудиться. Помню, и саженцы сажали, и хлеб на пекарне пекли... Отец Трифон меня тогда везде звал. Правда, почему-то он все время упорно называл меня Василием: «Василий, пойдем, поможешь...» А я думаю: «Ну, ладно, Василий – так Василий...»

Мне все больше и больше нравилась обитель: было ощущение единства. С одной стороны хотелось и остаться, но и домой еще тянуло. Владыка, видимо, понимал мое настроение и спросил:

– Ну, что: остаешься? Или дома в обморок упадут?

– Упадут, Владыка.

– Тогда поезжай домой...

Я снова вернулся в Глухов, но, спустя полтора месяца, уже твердо решил уехать в Задонск. Начал готовиться к отъезду в монастырь: вещи потихоньку вывозил из дома к матушке, чтобы мои домашние не заметили. И в один прекрасный июльский день, когда дома никого не было, я вышел налегке и пошел в храм, где меня уже ждал отец Лонгин с моими сумками. Но, чтобы меня сразу не кинулись догонять, я оставил рядом с иконами письмо: «Уехал учиться в семинарию...»

Помню, как в Глинской пустыни иеродиакон Игнатий говорил мне: «Если есть желание идти монашеским путем, нужно сначала понять, что тебя удерживает в миру, и четко разобраться с приоритетами». Поэтому, когда я окончательно собрался ехать в Задонский монастырь, мое решение служить Богу было уже настолько твердым, что ни на что мирское мне больше оборачиваться не хотелось. В душе был такой «подъем»: я нашел тот смысл жизни, который долго искал! Появился и внутренний мир, когда я отчетливо понял, что выбираю иную жизнь и вхожу в нее бесповоротно...

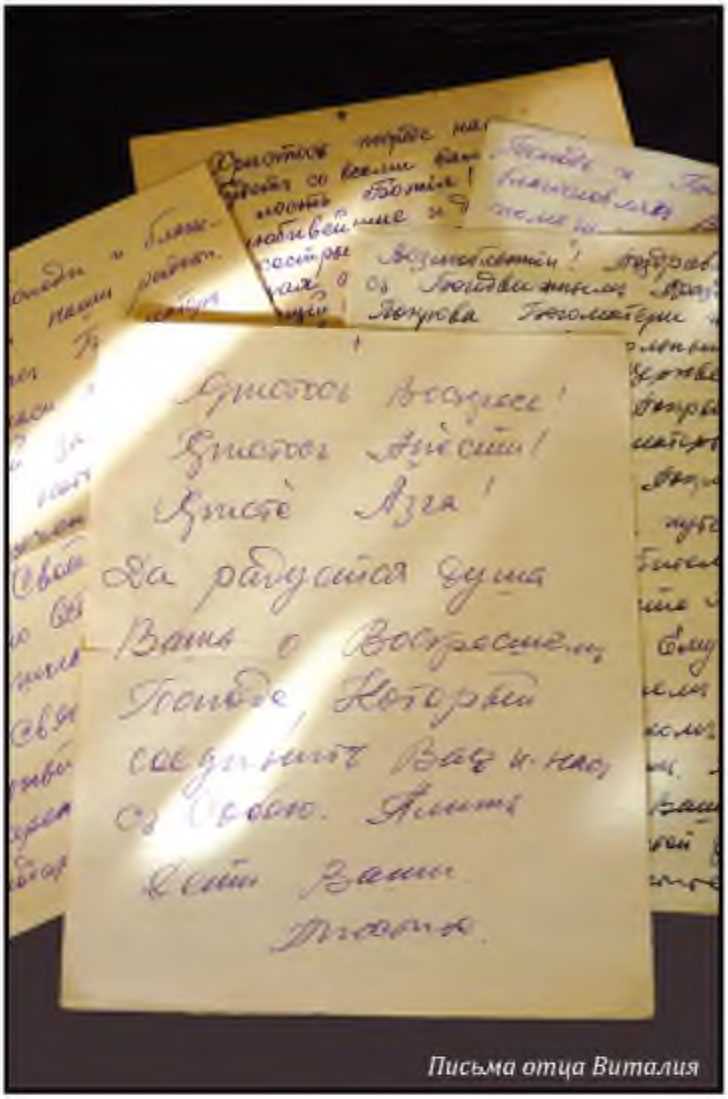
Братия монастыря поет панихиду по отцу Виталию, 1996 год.

Сегодня в Задонском монастыре под Покровом Пресвятой Богородицы собрались люди самых разных возрастов, жизненного опыта и трудового стажа, различных профессий, ученых степеней и специальностей: врачи, педагоги, юристы, экономисты, филологи, фармацевты, архитекторы, военные, программисты, художники, музыканты, строители... У каждого свой путь, где очевиден Божий Промысел. Любая история возникновения самоотреченных взаимоотношений человека с Богом совершенно уникальна. Так, например, среди насельников обители есть те, кто пришел к Богу через науку; есть те, кто обрел крепкую веру на войне; есть те, кто переоценив смысл жизни, пришел в монастырь из мест заключения; есть и те, кто полюбил Бога с детства и, дождавшись совершеннолетия, решительно устремился к монашескому пути прямо со школьной скамьи... Приходя в монастырь, мы оставляем былые различия, «заслуги», «степени», «погоны» и «регалии» в прошлом. Пред Богом равен царь и нищий. Здесь каждого ждут другие «экзамены» и иные «награды» – здесь разных людей ставит рядом и объединяет в единую семью любовь ко Христу...

Продолжение следует...

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ

Из писем схиархимандрита Виталия (Сидоренко)[1]



Письма отца Виталия

Говорил о. Андроник...

Благословите поздравить Вас со Святыми праздниками: Вербным Воскресением и Пасхой Божией!

Христос Воскресе!

Благослови Вас Воскресший Господь и помоги во вся дни живота Вашего. Говорил о. Андроник: «Когда человек не делает грехов – это есть покаяние». Святый Апостол Петр всю жизнь, как услышит поющего петуха, падал и плакал.

У папы и мамы надо просить прощения. Если нельзя видеться, то мысленно и прощения просить, и благословение брать. И никого не осуждать, и не соблазняться.

Благослови Вас Господи, Ему слава. Аминь.

Ваши благодарнолюбящие многогрешные питомцы. Простите.

Об о. Андронике

Некоторые по кончине батюшки Андроника сильно скорбели: потому он явился и сказал: «Вхожу в Небесные Обители Горнего Иерусалима, всех вижу и слышу, за всех молюсь», – и велел передать Божие благословение. А при жизни Матерь Божия явилась [ему] и рекла: «Чадо! Я всегда с тобою».

О том, что стоит выше добродетели

Возлюбленные! Благослови Вас Господь и Божия Матерь во веки Своими Божественными Десницами и управи живот Ваш во спасение жизни вечныя.

Молим Вас усердно: молитесь о здравии митрополита Зиновия – сильно болеет. Кланяемся Вам всем и тем рабам Господним, кто есть с Вами.

Великое благо – творение добродетелей. А еще выше – скорби. А еще выше сих двоих – болезни. Нам только благодарить Бога за все посылаемое – и спасемся о Христе Бозе. Аминь.

Благодарнолюбящие, с почтением в молитвенной памяти – дети Ваши. Простите. Спаси Вас Господь и Божия Матерь.

Смирением поможешь окружающим тебя людям...

Спасайся о Господе, сестра М. со сродниками, и братиями, и близкими Вашими!

По милости Божией мы живы и здравы, того и Вам от Господа желаем.

Получили письмо, где выявляется твоя скорбь и недоумение. Знай, что сама [ты] виновата в том, что такое совершилось событие... Писание говорит: *«Бог гордым*

[1] Назидания Старца приведены с соблюдением изначальной формы и стиля его писем к духовным чадам. *(прим. ред.)*

противится, смиренным дает благодать». [Наказание] – за гордость, которую высказала душа твоя по поводу N. Будь на будущее время поосторожнее в словах, делах и намерениях. Берегись судить кого бы то ни было – и смирением поможешь и братиям, и окружающим тебя.

Слава Богу, пекущемуся о спасении нашем. Если не слушает тебя брат твой, то смирись. И мы Господа не слушаем и грешим – и, смирясь, нас Господь не погубляет, а ждет покаяния. Так потерпи и брата, и его возможно призовет Господь Бог и Пречистая Матерь, Которым благодарение во веки. Аминь.

Тогда и помощь Божия будет помогать...

Венедикт[2] не смиряется, со всеми вздорит, пререкается, делает свою волю, ему трудно. Надо бы молчать, трудиться, заниматься Иисусовой молитвой, никого не осуждать, любить, прощать – тогда и помощь Божия будет помогать. Святый Григорий Синаит рече: *прежде смерти во аде, кто не сокрушается о грехах и не считает, что звери и скоты чище; тот хуже бесов, исполняет волю их.* Венедикт и делает все, что горит во аде[3]. Вы же, радости наши, подражайте Господеви, ибо Он благ, ибо во век милость Его, Ему слава подобает во веки. Аминь.

Кланяемся, благословите, простите. Спаси Вас Господи. Христос посреде нас.

Увещевание любителям пересудов

Мать N.! П.А., [от которой бывают тебе искушения выслушивать пересуды], не надо выгонять. А чтобы не было осуждения, скажи [ей и себе]: «Мать! Будем беспрестанно читать "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную"». И далее скажи: «Давай себя хулить, пороть, осуждать, не давать кушать по нескольку дней, исполняя закон Божий: *"не судите, да не судими будете"*. И паки: *"лицемере, изми первее бревно из очесе твоего, тогда можешь вынуть сучок из очесе брата твоего"*». Святитель Димитрий Ростовский говорил: осуждение другаго – это бревно, а его недостаток – это сучок. Будем своего мертвеца оплакивать, т.е. душу и тело. На это не хватает жизни, чтобы хорошо слезами омыть ее, а браться не за свое, т.е. осуждать, и Бог не благословил.

Поклоны надо совершать, 150 раз «Богородице Дево...» читать – Матерь Божия поможет никого не осудить. Как кто говорит – не огорчайтесь: и Господа порицали, а Он благословлял. И к Себе зовет: *придите ко Мне, вси труждающиеся и обременении, и Аз упокою вы.* Кланяемся, благослови Вас Господи, Ему слава. Аминь.

Образец самоукорения

Я прошу, чтобы меня пороли [наказывали] каждый день, давали помои [вместо вкусной еды], иначе ад меня ждет [поскольку]: ем, аки кабан; многословлю, аки сорока; злюсь, аки волк; женонеистовый, аки конь; злопамятствую, аки верблюд; одеваюсь, аки павлин...

Надо любить всех – тогда со всеми выживешь...

Сестра Н.! Слушайся родителей. Как они благословят тебе, так и поступи. А что в [вашем городе] не русская нация по работе – это хорошо; надо любить всех, свою волю отсекать, терпеть, никого не осуждать – тогда со всеми выживешь. А то я мать Афанасию бил по рукам, а каяться не каюсь. Кто меня этому научил? Грех гордости. Прости Господи, Ему слава. Аминь. Кланяемся, благословите, простите. Ваши грешные питомцы. Спаси Вас Господи. Дай Боже Вам доброе здравие.

---

[2] Венедикт – имя о. Виталия в монашеском постриге. В этом фрагменте письма Батюшка косвенно обличает духовных чад, перенося их немощи на себя. *(прим. ред.)*

[3] Ср.: *«Каждый смотри, как строит. Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, – каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон...»* (1 Кор. 3, 10-15). *(прим. ред.)*

Отчаиваться не надо – это гордость...

Благословение Господне на Вас, Того благодатию и щедротами всегда, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Благословите поздравить Вас с Престольным Днем Кафедрального Благовещенского Собора! Покрый Вас Матерь Божия Святым Своим Омофором во вся дни живота Вашего и веди во Обители Нерукотворенные!

Н.! Как только получишь сие письмо, земно поклонись родителям, какой бы ни был день, хотя и Пасха. Бери благословение [у них], да поможет тебе Бог.

Кто на кого имеет обиду, по учению Святых Отцев, уже отрекся Иисуса. А я грешу, не перестаю. Отчаиваться не надо – это гордость. А покаяние похвально, им шли все Святые. И Спаситель плакал – и нас тому учит: *дух сокрушен и смиренное сердце Бог не уничижит*, Ему слава подобает во веки. Аминь.

Ваши благодарнолюбящие многогрешные питомцы. Простите, благословите и благополучно в Бозе живите.

Только Тобою, Христе, можем сойти в тихую пристань спасения...

Слава Тебе, Христе Боже, Упование наше, слава Тебе. Только Тобою можем сойти в тихую пристань спасения, иначе житейское море много бед и урону несет человеку, особенно не умеющему плавать по морю. Матерь Божия, Своим Святым Омофором покрый во вся дни живота нашего, и по смерти всегда будь неотступна.

Надо благодарить Господа за всё встречающееся в жизни...

Надо благодарить Господа за всё встречающееся в жизни. Такова Его Святая воля, чтобы все спаслись и вошли в радость Господа Своего, т.е. были вечно с Богом. Мы повинны. Будем каяться, сокрушаться о своих согрешениих, и по милости Бога нашего будем Его наследием.

Аминь.

Спаси Вас Господи, что Вы любите больных...

Возлюбленные радосте наши: все о Господе присные!

Молим Вашу любовь: сильно болеет мать Серафима – сварите какую-либо пищу и посетите ее. Она с голоду умирает. Всех она любит, за все благодарит, кланяется Вам в ножки, и когда ее посетите, поклонитесь, целуя ручки ея. Друг друга честию больше творите[4]. Некому у нее получать пенсию – Вы об этом позаботьтесь. Когда мы посылали из Тбилиси мать Меланию, мать Серафима была рада, и когда Вы приходите, она рада Вашему посещению; ибо рек Господь: послужил больному – Христу послужил.

Да благословит всех Вас Господь, посылая великие и богатые Свои милости: утешение, Небесную помощь и вечное спасение, Ему слава подобает во веки. Аминь.

Кланяемся, благословите, спаси Вас Господи, что Вы любите больных, посещая их, всегда читая: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную». Богу слава. Аминь.

Дай Боже Вам доброе здравие.

Все – Святые, Божии...

Людей надо всех уважать, не осуждать, любить, мыслить, что все – Святые, Божии. Никогда не надо осуждать священство, а почитать и благоговеть. Не надо думать, что плохие люди, а миловать и любить в душе.

От погоды возьмите пример...

Видишь, как изменяется на дворе погода и никогда не бывает в одной мере – так и в душе. И все делается промыслом Божиим нам во спасение. Только надобно за все благодарить.

---

[4] Ср. в русском варианте: *«Имейте одни мысли, имейте ту же любовь, будьте единодушны и единомысленны; ничего не делайте по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя»* (Флп. 2, 2-3) *(прим. ред.)*.

42 О многообразии гордости

часть 3: *Кого нам слушать: себя или Бога?*

«И сказал змей жене:
нет, не умрете... но будете, как боги...»
(Быт 3:5)

Вопрос: *Все мы знаем, что гордость служит основанием прочих страстей, но когда речь заходит о борьбе с ней, в настроении многих проявляется некая печать обреченности. Часто слышится: «Что я могу поделать и куда мне деваться?! Ну, вот такой я родился и в таком мире вырос». И что странно, констатируя о себе такой скорбный факт, человек, как правило, замыкается и уходит от серьезных рассуждений о том, как можно было бы избавиться от этого пагубного недуга.*

Ответ: Ничего удивительного в этом нет. Такое настроение как раз и является типичным проявлением запущенной формы гордыни. В таком состоянии человеку свойственно уклоняться от любых напоминаний о душепагубности укоренившейся в нем гордости. Так он и теряет очередной практический шанс, посылаемый Промыслом Божиим, начать исцеляться от этой болезни.

Если человек позволил себе прельститься лестными помыслами и возомнить о себе, что он – «нечто особенное», то постепенно он закостеневает в эгоцентризме, в угождении себе, отходит от Господа, незаметно уподобляется диаволу и попадает в его цепкие лапы. Внешне этот «плен» начинает проявляться в целом «букете» душепагубных страстей. При этом любое благонамеренное обличение гордости человек воспринимает как посягательство на свою «исключительность». Поскольку гордость самовеличава, ей противно уничижение и она всегда стремится к самооправданию. А, заглушая свою совесть, гордец начинает во всем обвинять жизненные обстоятельства,

окружающих людей и даже Самого Бога.

Вспоминается недавний случай, когда одна монахиня свои греховные «немощи» оправдывала «неблагополучной наследственностью», при этом дерзко укоряя мать. В результате, она оставила монастырь и уехала с одним из рабочих в поиске «счастья». Что сказать? Плачевное состояние. Сохрани, Господи, от подобного помрачения...

Вопрос: *Думаю, утешаясь «особыми» мыслями о своей персоне, мало кто осмысливает всю серьезность последствий этого процесса. Причем сам термин «гордость» во все времена был на слуху, и не всегда в душепагубном контексте. Например, еще не так давно безбожная мораль советского общества (всячески) убеждала нас в том, что гордость – это «достоинство»...*

Ответ: К сожалению, даже те, кто понимает, что гордость – это порок и пагубная страсть, в большинстве своем слишком легкомысленно относятся к ней. А ведь гордость – это абсолютное и безусловное зло.

Вопрос: *Почему «абсолютное и безусловное»?*

Ответ: Во-первых, гордость – это основное свойство диавола. Мы ведь практически не задумываемся о том, что именно гордыня в свое время сделала высшего из херувимов – диаволом, безвозвратно обратив совершенное добро в беспросветное зло. Поэтому, по сути, подобная страшная перспектива есть у каждого, кто привык доверять своему мнению и ценить его. Как говорится в Псалтири: *«Вы же, яко... един от князей* [бесовских] *падаете* [в гордостное неразумие]» (Пс 81:7).

Во-вторых, гордость противна Богу. Она всегда восстает против Него и Его Промысла. Ведь Писание предупреждает: *«Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть»* (Мф 6:24). Поэтому, сочетаясь Христу в Таинстве Святаго Крещения, мы отрекаемся от сатаны и служения его гордыне. А возгордившись – отступаем от Бога, нарушая не только заповеди Христовы, но и обеты, данные Ему при Святом Крещении.

Так что никогда не стоит винить кого-либо в своих грехах. А страдающим от страстей и обижающимся на Бога и на «весь мир» лучше осознать, что Бог зла не создавал и не давал ему власти над нами. Зло набирает над душой силу тогда, когда мы по своей воле избираем самомнение вместо адекватной смиренной самооценки. К тому же, каждому человеку дан разум и свободная воля, а этого вполне достаточно, чтобы во всех обстоятельствах жизни правильно оценивать свое поведение и нести ответственность перед Богом.

Вопрос: *Да уж. А казалось бы – «мелочь»: ну подумал я о себе что-то хорошее...*

Ответ: Какая же это «мелочь»? Если ты прельстился и основательно присвоил себе какое-то мнимое «величие» – это твой сознательный выбор. Причем этот выбор серьезно нарушает твои взаимоотношения с Творцом и предает тебя в рабство врагу рода человеческого. Потому что, по сути, **самомнением человек присваивает дары Бога и приписывает себе Его свойства**. А по мере возрастания доверия своему мнению он все более усваивает себе неповиновение и противление Богу.

Так, например, один знакомый мне старый грек однажды выразился по поводу плохой погоды: «Я не согласен с Богом, Он неправильно управляет миром...» Его слова поразили меня своей дерзостью. А ведь мы весьма часто высказываем похожее недовольство погодой или обстоятельствами, сложившимися не по нашему желанию, и тем самым незаметно для себя укоряем Бога.

Получается, что мы не почитаем Бога как Бога, не доверяя Ему и Его Промыслу о нас, избираем гордостное доверие своему разуму и утверждаем собственное падшее «Я». И если вовремя не одуматься, то собственное «ЭГО» станет для нас новоявленным «богом», которого мы начнем все более и более ценить, оберегать и полагать все свои усилия на удовлетворение его желаний.

Иными словами, в своем сердце мы фактически заменяем истинное Богопочитание на почитание льстивого идола – своего «ЭГО». И по сути становимся не последователями Христа, но уже – «эгоцентристами», где собственное «Я» – наш новый, добровольно избранный «бог». О таком отступлении от Господа в своих письмах святитель Игнатий Брянчанинов говорит страшные слова:

«Помышления и пожелания наши мы соделали для себя богами, волю которых стремимся всеусердно исполнять» (Том VII).

При этом бесы будут усердно «хлопотать» над нами: поддерживать и всячески развивать подобное самообольщение. Потому что диавол обязательно воспользуется нашим опрометчивым отступлением от Христа и, получив власть над нами, будет постепенно искажать наш разум, сознание и мировосприятие, подчинит себе наши чувства и желания, сделает нас одинокими и несчастными. А потом он окажется нашим единственным советником, завладеет нашей волей, лишит здравого рассудка и доведет до погибели... И «трудиться» на этом поприще он будет с одной целью: чтобы безвозвратно увести нас от живого Бога и подчинить себе.

А начинается такое душепагубное бедствие с недоверия и непослушания Богу, Его заповедям, и угождения своим хотениям. Точнее же – диавольским внушениям: *«И сказал змей жене: нет, не умрете... но будете, как боги... И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно... и ела; и дала также мужу своему, и он ел»* (Быт 3:4-6). По сути эту ошибку прародителей мы повторяем постоянно, когда, уклоняясь от смиренного образа мыслей и действий, соглашаемся на совершение больших и малых грехов.

Поэтому, чтобы предотвратить беду, необходимо своевременно проявить мужество и благоразумие, посмотреть на себя критически и, с надеждой на Бога, начать искоренение ростков гордыни самоукорением. Следует осторожно относиться к своему мнению, опасаться сокрытого в нем обольщения и с полной покорностью просить Господа просветить мысли и чувства познанием Его воли. При случающихся с нами греховных падениях, бедствиях и душевных страданиях необходимо прекратить искать «виноватых», но твердо осознать, что все это – прямое или косвенное следствие нашего гордостного самомнения. Поэтому во всем, происходящем с нами, надо обвинять себя и немедленно каяться не только в греховных падениях, но и в их первопричине – гордостном самомнении; от всего сердца возненавидеть своего «ветхого человека» с его самолюбием, саможалением и искаженным образом мыслей. И, как подобает кающимся грешникам, начать новую жизнь во Христе.

Вопрос: *Вы говорите, что бесы будут «хлопотать», чтобы усугубить наше самообольщение. Как?*

Ответ: Непрестанно и тщательно. Сама по себе гордость очень коварна. Ибо из пагубного корня гордости произрастает множество страстей.

Сначала человеку методично подаются лестные помыслы о самом себе и, принимая их, он подпитывает и развивает чувство собственной значимости: я *«несмь, якоже прочии человецы!»* (Лк 18:11). Со временем мысль о том, что он такой «умный», или «сильный», или «духовный» и т.п., основательно усваивается в его сознании. Человек начинает уже слепо и упорно верить ощущениям собственного «достоинства» и «уникальности», формирует для себя «возвышенную» над иными людьми «платформу» и действует, исходя из самостоятельно присвоенного себе статуса. Но такое самовосприятие, как правило, очень далеко отстоит от реальности...

Вопрос: *А что мы в данном случае называем «реальностью»?*

Ответ: Реальность – это то, какими мы являемся в Очах Божиих...

Так вот, когда человек доверится этим ложным помыслам, он начинает доверять и соответствующим чувствам, которые возникают в его испорченном гордыней сердце. Например, возомнив о себе, что «уникален», он начинает не просто думать, что обладает незаурядными качествами, а уже ощущает себя таким. Причем ожидает, чтобы и окружающий мир воспринимал его персону именно так, как того требуют его гордость и самолюбие. Фактически в таком состоянии человек смотрит на себя, на мир и на Бога через очки с кривыми стеклами, которые превратно искажают реальность.

Вопрос: *А что дальше?*

Ответ: Дальше он обречен на уныние, разочарование и страдание, потому что вряд ли окружающий мир будет соответствовать запросам его гордыни, разделять их и удовлетворять его надежды и амбиции. А диавол начнет усердно «трудиться», всячески перекручивая в сознании человека

восприятие реальности. Он будет внушать ему: «Ты выше, чем многие другие. Тебя просто никто не способен оценить, понять, вознаградить по достоинству. Вот, смотри: тебя опять упрекают, обижают, обличают... Зачем они тебе?» И доходит до того, что любое общение с ближними, которое, при наличии взаимного доверия, могло бы разоблачить подобные иллюзии, враг извращает таким образом, что самое простое, безобидное слово становится для человека, как «меч остр», и оставляет за собой плохо заживающую сердечную рану. Поэтому даже на «ровном месте» он будет чувствовать себя непонятым, униженным и оскорбленным. Он ждет награды, поощрения, признания, но, не дождавшись такой «справедливости», начинает осуждать, озлобляться не только на ближних и на весь мир, но и на Бога...

Вопрос: *Складывается впечатление, что враг усиленно работает над тем, чтобы оградить страдальца от чьего-либо участия в его судьбе?*

Ответ: Безусловно. Диавол всячески старается оградить его от любой трезвой и разумной помощи со стороны его ближних. Поэтому и внушает ему превратное восприятие окружающей действительности, чтобы закрыть все подступы к его сознанию извне, а тем более от людей, которым он доверяет. Поддаваясь таким внушениям, человек просто отворачивается от помощи, которую для его же вразумления через ближних посылает Сам Господь.

Например, даже от своих детей многие родители часто слышат такие тирады: «Мама! Не «грузи»!.. Хватит!.. Надоели мне твои морали!.. С тобой вообще общаться невозможно!» Или в монастырях: «Во! Снова нравоучение?! Вы сами виноваты – распустили здесь все! Не так воспитывать монахов надо! Хватит! Слышали уже!» Такие «самозащита» и «затыкание ушей» по подобию *«аспида глуха»* (ср. Пс 57:5), конечно, ни к чему доброму не приведут, но только к ошибкам, преумножению грехов и, а́ще не покаемся, к страданиям во времени и в вечности.

Что сказать? Как минимум – неблагоразумие...

Вопрос: *Неблагоразумие? Но если человек не осознает себя духовно больным, то он и вовсе не может понять, зачем на него «нападают» понапрасну. Разве можно ждать благоразумия, когда речь идет уже о помраченном сознании?*

Ответ: Неблагоразумие, в данном случае, проявляется в недоверии ближним – если человек пытается «заблокировать слух». Дело в том, что пока он еще способен хоть кого-то слышать, пусть даже это и вызывает в нем противление и бунт, ситуация не так критична. Важно не упустить этот момент. Потому что, когда он все же заблокирует подступы к своему сознанию и в основном начнет доверять только самому себе, оставаясь один на один со своими помыслами и чувствами, со своим искаженным, болезненным мировоззрением, то в итоге единственными его собеседниками станут бесы. А враг на половине пути не останавливается...

Мы ведь не задумываемся о том, что в свое время именно гордыня сделала высшего из херувимов – диаволом, безвозвратно обратив совершенное добро в беспросветное зло.

Вопрос: *Значит, если человек, страдающий гордостью в запущенной форме, отсекает разумное участие ближних и перестает слышать и доверять кому-либо, кроме собственных помыслов, то дальнейшее демоническое влияние на него будет лишь усиливаться?*

Ответ: А ты представь себе: вот он, не задумываясь, живет один на один со своей гордыней, в иллюзорных «лучах» собственного «величия», а тем временем отравленный страстью разум слепнет до такой степени, что даже правильное восприятие элементарных понятий становится ему уже недоступным.

Вопрос: *То есть происходит что-то вроде одурманивания?*

Ответ: Да. Воздействие гордыни на душу человека на такой стадии можно сравнить с отравлением организма у токсикомана. Вдыхая ядовитые токсические испарения, человек жаждет эйфории и галлюцинаций. Он продолжает движение, но его мозг и подсознание находятся в полном дурмане, попадают в иллюзорный, несуществующий мир. В этом мире он чувствует восторг! А когда воздействие токсических веществ прекращается, то для токсикомана наступает очень тягостный момент – столкновение с реальностью... Реальность для него становится невыносимой и обременительной, он ее отрицает, ненавидит и всячески избегает...

В таком греховном состоянии человек может гордиться даже тем, что в любом нормальном понимании предметом гордости быть просто не может. Например, еще преподобный Нил Мироточивый говорил, что в последние времена люди будут гордиться блудом. Хотя во все века, у всех народов блуд был предметом поношения и стыда, а сейчас, подумать только, это постыдное проявление страсти вызывает у людей гордость! Полное безумие! О людях с таким деформированным сознанием можно только сожалеть.

Ведь как объяснить такому человеку, что он болен и заблуждается, если под воздействием яда гордости система его ценностей, в которую он верит и которой слепо служит, изуродована до абсурда? И даже достучаться до такого помраченного сознания, чтобы в нем зародилось хотя бы понятие греха, не говоря уже о необходимости от него избавиться, практически невозможно.

Вопрос: *Так это уже какая степень гордости?*

Ответ: Это уже бесовская «прелесть».

Вопрос: *А где грань между «еще просто гордостью» и «уже прелестью»?*

Ответ: В человеке начинает развиваться «прелесть» именно тогда, когда он начинает доверять лишь «своим» помыслам, желаниям и чувствам. В таком состоянии враг управляет чувствами человека и он действует так, как ему внушает демон. Поэтому «прелесть» – есть ни что иное, как почитание глубоко усвоенной лжи за истину.

Вопрос: *А в каких формах она проявляется?*

Ответ: Формы бесовской прелести тоже различаются по степени запущенности, но общие черты, конечно же, есть. Прелесть агрессивна и напыщенна. Потому что прельщенный человек мнит о себе, что он есть «нечто» и «нечто немаловажное». Например, он возомнил, что имеет молитву или сугубые знания, или что он «подвижник», или «постник», т.е. в его чувствах преобладает самодовольство, напыщенное мнимыми добрыми качествами. Хотя сегодня люди уже свыклись с тем, что многие гордятся пороками. Например, дерзостью, грубостью, жестокостью и хамством; женщина гордится соблазнительностью, а мужчина – тем, что он «крут»... По мнению многих – все это достойно восхищения, всеобщего внимания и возвышает их над другими «простыми смертными». Часто можно услышать: «Да ты не знаешь, с кем говоришь!»

Вопрос: *И, действительно, все то, что еще двадцать лет назад считалось постыдным и недопустимым, сегодня почитается за норму жизни. Но неужели сценарий «затягивания» в этот «омут» всегда один и тот же? Наверное, есть и варианты?*

Ответ: Конечно, есть. Сейчас мы говорим лишь об общем механизме демонического воздействия на душу и описываем общие черты проявления гордости на запущенных стадиях ее развития. Но, поскольку устроение у всех разное, то, конечно же, встреча-

ются различные варианты и комбинации бесовского воздействия и внешнего проявления страсти. Диавол очень изобретателен и к каждому сознанию подбирает свои «ключики» и «крючочки», пока крепко не подцепит на какую-нибудь «наживку».

Вот, например, еще один из печальных вариантов. Можно образно сказать, когда человек становится пред Богом «в позу». Допустим, он начинает о чем-то молиться. И, если Господь не спешит исполнять его просьбу, в нем постепенно укореняется недовольство: «Господи, почему Ты меня не слышишь?» Не смиряясь и находясь в таком немирном состоянии духа, человек уже требует желаемого. А если Господь и дальше не спешит отвечать ему на молитву, то он еще больше «поднимается» против Бога «на дыбы»... В его сердце прорывается ропот: сначала на людей, якобы во всем виноватых, а потом на Самого Бога... Но если гордец и на этом не остановится, то дело доходит до открытой брани на Господа: «Я не буду Тебе молиться и не буду Тебя просить, Ты – жестокий...» Так полагается начало богохульству. Это одна из тяжелых запущенных форм гордости. И если человек не опомнится, то, вероятнее всего, такой процесс доведет его до общения с демонами.

Вопрос: *А как можно распознать, что переход к непосредственному общению с демонами уже произошел?*

Ответ: Человек начнет видеть «вещие» сны, слышать «голоса», ему будут подаваться всякие «откровения», «озарения», и если довериться всем этим прельщениям, то, рано или поздно, он придет в такую бесовскую «меру», что «сподобится» воспринимать демонов явно.

Вопрос: *Это как?*

Ответы: Он начнет лицезреть демонов в виде людей. А они, в свою очередь, будут являться к нему сначала в виде знакомых ему людей, а после и в виде ангелов, святых и т.д. Начиная слушать «голоса» и «откровения», человек готовится к тому, чтобы воспринимать и видимые образы, которые, возможно, будут формировать для него еще более «возвышенную реальность» и открывать всё «новые горизонты».

Вопрос: *Какая жестокая ложь и обман! Зачем врагу такие явные эксперименты?*

Ответ: Существенно усугубляя таким образом гордостное помрачение человека, демоны готовят себе послушника, который по их внушению будет исполнять все, что они ему подскажут. Так человек попадает в тяжелую демоническую «прелесть»: становится орудием демонического действа и послушно исполняет все, что ему внушает диавол.

Был такой случай, когда, преодолевая сложный путь, два монаха попросились на ночлег к одной старушке. Выяснилось, что она имела обыкновение молиться по католическому образу, представляла образы, разговаривала с «ангелами», с «Богородицей»... За ужином случился у них разговор о спасении, а после хозяйка очень благодарила: «Вы такие духовные, спаси вас, Господи!» Ночью один из монахов проснулся от каких-то шорохов и посреди их комнаты увидел эту старушку с топором. Заметив, что один из братьев не спит, она выскользнула из комнаты. Монах поспешил за ней:

– Что Вы хотели, бабушка?

– Да хотела убить вас... Мне сказали: «Видишь, какие эти братья благочестивые и духовные? Если ты их убьешь, они станут мучениками. А ты сделаешь доброе дело»...

Так в «прелести» человек доходит до полного подчинения диаволу.

Вопрос: *Ничего себе, прельстилась старушка! Похоже, диавольская злоба к человеку не имеет предела. И чем больше враг полу-*

чает власти над нами, тем больше и издевается... А мы – марионетки, живем, как ни в чем не бывало: разум – «на каникулах», волю променяли «на цветные фантики» иллюзий...

Ответ: Да... На такой стадии, как у этой старушки, человек уже теряет свою свободную волю перед демоном. Он уже не выбирает, как ему поступить, а, как послушное орудие, выполняет приказы. Это крайняя форма «прелести» и уже, в какой-то степени, одержимость бесом.

Ответ: В состоянии исступления ума человек живет и совершает поступки, не свойственные разумному существу. Он становится абсолютно невменяемым: может выть, орать, бегать в непотребном виде, бросаться на людей, вредить своей плоти, осквернять Святыню, совершать иные страшные, безумные поступки... Для вразумления исступление может быть попущено на время. А в худшем случае человек может остаться таким и навсегда. В святоотеческом наследии есть очень наглядный пример динамики демонического воздействия на возгордившегося монаха[1]: восстав по гордости на своего старца, авву Исаию, один несчастный монах добровольно предал себя в послушание своим нечистым помыслам, а точнее – бесу. Воспринимая все предлагаемые ему чувства и видения за действительность, он дерзнул возводить клевету на своего почтенного старца.

Не находя никого, кто разделил бы его брань, он испытывал страшные страдания, думая, что терпит за справедливость. Вернувшись в мир и вскоре потеряв свое имение, он пошел к патриарху и сказал: «Владыко! Отмсти за меня идолослужителю, отцу Исаии: он своим волхвованием сжег мой дом и все, что было в доме». Патриарх же ответил ему: *«Немы да будут устны льстивыя, глаголющия на праведнаго беззаконие»* (Пс 30:19).

И когда патриарх произнес эти слова, монах увидел мурина, который стал бить его огненным жезлом и облек его в железную броню. Монах упал к ногам патриарха в неистовстве... Семь месяцев он пребывал в исступлении ума, одержимый лютым демоном. Он представлял собой зрелище, достойное сожаления: его нужно было связывать железными цепями; он бил себя и бросался на всех, кто окружал его, ел извержения человеческие, скитался

«Помышления и пожелания наши мы соделали для себя богами, волю которых стремимся всеусердно исполнять»

Свт. Игнатий Брянчанинов

А самое скорбное то, что, если человек отходит в таком состоянии в мир иной, на мытарствах демоны встретят его, как свою «законную» жертву, т.к. уже в земной жизни он добровольно согласился с ними и в помыслах, и в чувствах, и в желаниях...

Поэтому святитель Игнатий Брянчанинов неоднократно повторял такую мысль: *«В этой жизни нам необходимо расторгнуть общение с демонами»*. А это общение так и укореняется: сначала в помыслах, затем в чувствах, затем в желаниях, затем в различных страстях, демонических наваждениях и т.д.

Вопрос: *Но, как я понимаю, если не опомниться и не раскаяться, то даже такая «прелесть» – это еще не предел возможной «метаморфозы» человеческого сознания?*

Ответ: В самых запущенных случаях, когда человек слишком долго пребывает в сильном помрачении гордостью, его разум начинает повреждаться, что приводит к исступлению ума. Или же попускается бес и человек становится одержимым. Но и в том, и в другом случаях в своих поступках он начинает совершенно терять нормальный человеческий облик... Такое наказание ждет «непробиваемо» гордых людей.

Вопрос: *А как проявляется исступление ума?*

---

[1] Святитель Игнатий Брянчанинов. «Отечник». Избранные изречения отцов. Авва Исаия. Этот поучительный случай приводится на стр.50 нашего Альманаха *(прим. ред)*.

нагой, терзал плоть свою и одежду, мучая себя и толкая встречающихся...

Так что нет ничего случайного. Каковы причины, таковы и следствия. Кого мы выбрали для поклонения, того мы и рабы, поэтому к соответствующему состоянию и приходим.

Вопрос: *Вот тебе и доуслаждался когда-то «невинными» и «приятными» мыслями о себе... Безумие и только...*

Ответ: Так и есть. По сути, нераспознанная и нераскаянная гордыня – это серьезно прогрессирующее безумие. Ну, разве станет разумное существо идти против Бога? А столь страшные последствия наблюдаются потому, что, не смиряясь и не раскаиваясь, человек по своей воле все дальше и дальше отходит от благодати Божией; все глубже и глубже погружается в «омут» греховного плена врага рода человеческого.

Преподобный Силуан Афонский говорил: *«Кто, подобно мне, потерял благодать, тот пусть мужественно борется с бесами»*. Но прежде, чем начать борьбу, конечно же, сначала надо осознать, что происходит с тобой, и очень сильно захотеть избавиться от этой пагубы... А когда сознание настолько отравлено гордостью, принять реальное положение вещей становится весьма и весьма непросто. Поэтому, Божественный Промысел и заботится о том, чтобы побудить человека к исправлению своих ошибок. Ведь не случайно тяжелые степени гордости сопровождаются неуемным безудержным обострением других страстей: запойным пьянством, блудом, содомскими извращениями или же – крайне тяжелыми физическими болезнями. Такие явные падения, недуги и посрамления попускаются человеку для вразумления, чтобы он опомнился, одумался и покаялся; чтобы начал взывать к Богу о помощи, искать и исправлять в себе главную ошибку и причину своего состояния: ранее не осознаваемую гордость, самолюбие, превозношение, честолюбие, самодовольство, тщеславие...

Только помоги нам, Господи, в этом поиске воспринять сердцем правильный мотив, не ошибиться и не пойти по ложному пути: например, желать избавиться от того же пьянства, лишь бы уберечь от посрамления в собственных глазах и в глазах окружающих свой самодовольный горделивый образ... Но каждому дóлжно крепко уяснить себе: «В гордости сокрыта причина всех моих бед во времени и в вечности». Это ли не говорит о том, что у человека есть жизненная необходимость всячески сопротивляться гордости и, смиряясь, смирить свою надменную душу. Ибо *«Бог гордым противится, а смиренным дает благодать»* (Иак 4:6).

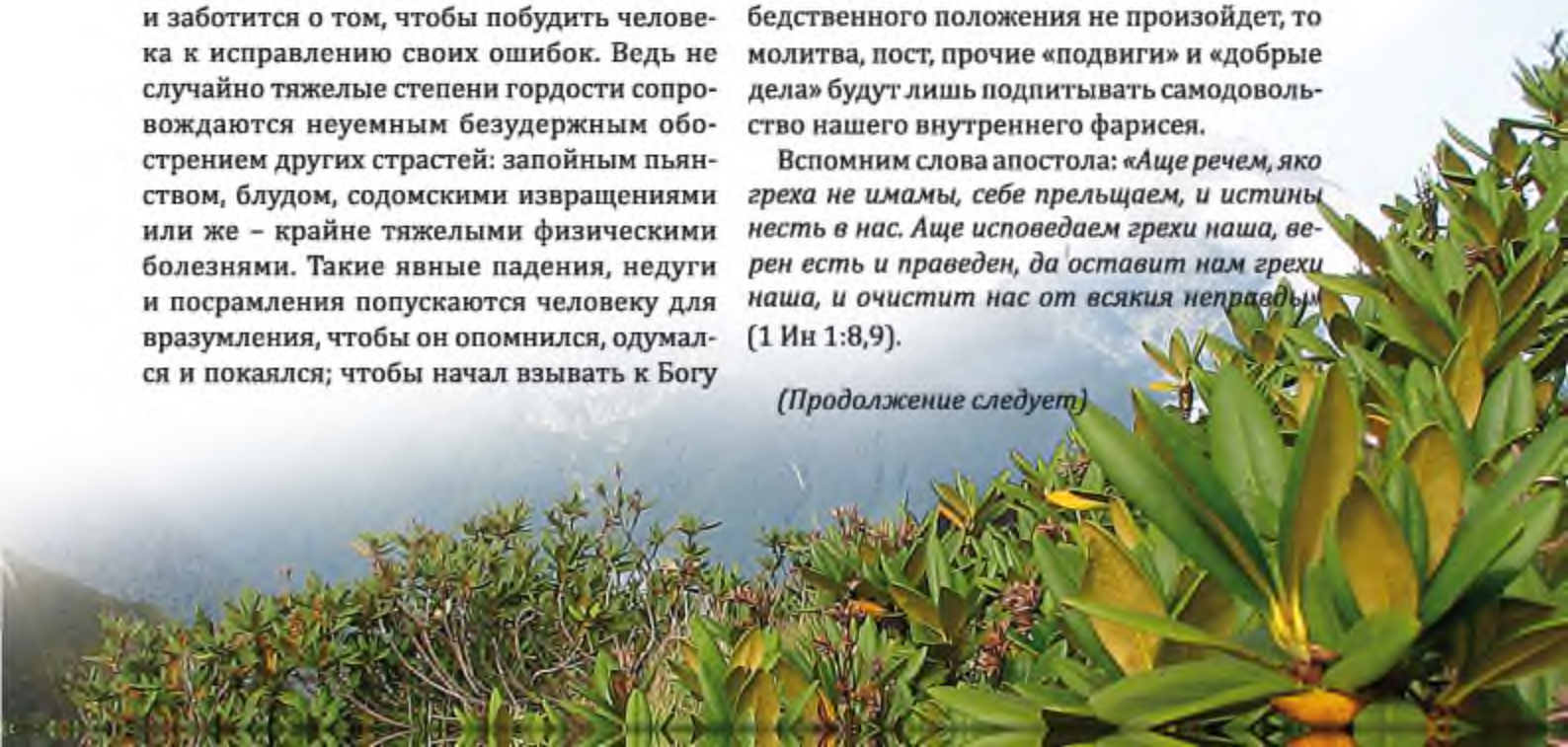
Преподобный Амвросий Оптинский оставил нам такую молитву: *«Господи! Наг есмь от всякого блага, исполнен есмь всякого зла. Спаси мя единым милосердием Твоим!»*

У человека есть жизненная необходимость всячески сопротивляться гордости и, смиряясь, смирить свою надменную душу...

Многие святые отцы говорили, что, только искренне осознав свое греховное состояние, свою погибель, можно по-настоящему взыскать Спасителя, по-настоящему каяться и молиться об избавлении из плена страстей. А если осознания всей пагубы нашего бедственного положения не произойдет, то молитва, пост, прочие «подвиги» и «добрые дела» будут лишь подпитывать самодовольство нашего внутреннего фарисея.

Вспомним слова апостола: *«Аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас. Аще исповедаем грехи наша, верен есть и праведен, да оставит нам грехи наша, и очистит нас от всякия неправды»* (1 Ин 1:8,9).

(Продолжение следует)



О гордости, доверии себе и искушениях бесовских[1]

Поведал авва Елисей, ученик аввы Исаии: в юности моей случилась мне болезнь, от которой я находился при смерти. Отец мой, прилагая особенное старание о моем излечении, ежедневно приглашал ко мне врачей. Врачи, потрудившись много, не успели ничего и наконец сказали отцу моему: юноша умрет прежде истечения трех дней.

Отец мой, услышав это, был поражен скорбию. Обливаясь слезами, он поспешил в церковь святого евангелиста Марка и нашел там, как после сказывал, престарелого монаха. Увидев отца моего печальным, монах сказал ему: «Что с тобою, господин Прокопий? О чем скорбишь?» Отвечал отец мой: «Тот, Кто открыл тебе мое имя, откроет и причину печали моей». Старец сказал: «Пойдем в дом твой». Старец, пришедши в дом наш, посетил меня и сказал отцу моему: «Приведи супругу твою». Мать моя была христолюбива и монахолюбива; отец же мой ненавидел монахов. Старец сказал ему: «Бог ищет от тебя исполнения трех заповедей, и если сохранишь их, то Он дарует жизнь сыну твоему». Отец мой сказал: «Свидетельствуюсь святым евангелистом Марком исполнить то, что ты мне заповедуешь». Старец сказал: «Вот пятнадцать уже лет, как ты прелюбодействуешь и блудодействуешь, скверня ложе жены твоей; за это Бог посек преждевременной смертью пятерых детей твоих. Второе: этого юношу не сочетай браком, но предоставь ему вступить в монашество. Третье: с арианами и феодосианами не будь более в общении». Отец мой сказал ему: «Сохраню слова твои во все дни моей жизни». Старец помолился, и я выздоровел на третий день.

После этого я прожил у отца моего три года. По истечении их отец мой обручил меня с племянницею жены игемона. Когда отец приготовлял все нужное к браку, лютый бес привязался к обрученной мне отроковице и начал мучить ее немилостиво. Родители ее и мой отец в продолжении семнадцати месяцев водили ее везде и всюду по церквам, подавая милостыню, даже приводили к волхвам и чародеям, но нисколько не успели: девица пришла в худшее состояние. С общего согласия и совета они приводят ее к отцу Макарию[2]. Туда пошел и я с нею, и отец мой. Старец, взяв елей и сотворив молитву над ним, повелел матери девицы омыть ее и потом помазать елеем от главы до ног. Когда она была помазана, то бес начал взывать: «Горе, горе!» Вышедши из отроковицы, он напал на меня и в семь крат сильнее мучил меня. Так я провел тридцать дней, жестоко мучимый бесом.

И вот приходит тот старец, который прежде разговаривал с отцом моим и исцелил меня от болезни. Отец, увидев его, убежал от него. Старец, взяв меня, привел в свою келью; препроводив всю ночь в молитве и коленопреклонениях, он отгнал беса от меня, потом остриг власы главы моей, облек меня в монашеский образ и вручил авве Исаии.

Авва Исаия имел и другого ученика, по имени Петр. Прожил я у аввы девять месяцев. Отец мой, услышав о случившемся со мною, послал ко мне четырех слуг, с семью верблюдами, обремененными всякого рода съестными припасами и овощами, послал и письмо. Взяв письмо и прочитав его, я заплакал. Отец Исаия, увидев письмо в руках моих отнял его из рук моих и изорвал. Когда же я вознегодовал за это, старец начал меня укорять в присутствии слуг отца моего.

С этого часа объял меня бес ненависти, я не мог видеть старца, ни слышать голоса его; я смотрел на него, как на скомороха; слова его казались мне стрелами, мечем обоюдоострым. Стоя с ним на молитвах и бдениях, я проклинал его. От великой не-

---

[1] Святитель Игнатий Брянчанинов. «Отечник». Избранные изречения отцов. Авва Исаия.

[2] Здесь разумеется не Макарий Великий, основатель скита, живший в IV-м веке, а другой того же имени, позднейший настоятель Скита, живший в V и VI столетиях.

нависти и омерзения, которые получил я к нему, несколько раз вставал ночью, чтоб убить его, но останавливался, опасаясь жившего с нами другого ученика – Петра. Старец не преставал наставлять меня, иногда увещевая, иногда же и угрожая. Когда я шел причаститься Святых Тайн, то он мне возбранял и отгонял с укоризнами; также отлучал от трапезы, говоря: «Не дам тебе пищи, пока не скажешь: «Согрешил я, прости меня». Но я делал все напротив: крал и ел тайно. Когда старец стоял на молитве, я сидел; когда он упражнялся в бдениях, я спал; когда он плакал, я смеялся: столько я был послушлив бесу! Бес начал мне показывать неподобные мечтания на старца в сновидениях: я, несчастный, верил этим мечтаниям, а потом начал часто наяву видеть то, что прежде представлялось мне во сне.

Таким образом вкралась в меня доверенность к скверным и нечистым помыслам на старца, истекавшим из сердца моего и смущавшим меня, и я стал соглашаться с ними. Бесы смущали меня внутренне помыслами, а извне возбуждали меня являвшимися мне привидениями на ярость, гнев и огорчение. Бес гордости, или лучше сказать, погибели, соделался моим учителем; чему он научал меня тайно и сокровенно, то начал я произносить пред всеми. Сидя, говорил я себе в горести: «Кто этот льстец и лицемер низкого происхождения! Я, будучи такого города и такого рода, сын благородных родителей, кипящих богатством, имеющих столько разного скота, соделался учеником или, в сущности, рабом! Предстою ему как слуга: подаю воду на руки, приготовляю трапезу, ношу воду, собираю дрова, работаю ему как раб! Он бы должен мне работать и повиноваться, а не я ему! Сколько неприятностей, огорчений, скорби и печали, укоризн и бед я потерпел от него! Сколько он принуждал меня алкать, жаждать, бдеть и лежать на голой земле! Сколько он меня уничижал! Сколько сделал мне зла!» Когда бес внушал мне это, я более и более предавался гневу, почитая себя обиженным, пострадавшим много. Помысл говорил мне: «Уйди от проклятого и пребывай наедине в келии, подобно всем отцам: он не монах и не христианин». От таких помышлений я начал снова видеть сны о старце, будто он играет с женщиной и скачет пред кумирами; вверившись снам, я утвердился в мысли, что старец – враг Божий и друг бесам.

Вдали от Скита, расстоянием как бы в девяти стадиях, было еллинское капище, среди которого стоял мраморный кумир. Старец имел обычай каждую субботу выходить из Скита и, сидя в капище, предаваться плачу; были там и гробы язычников. И показывалось мне во сне не однажды, но несколько раз, что старец приносит жертву и поклоняется идолам, а я почитал сны эти истинными. Однажды, в час, в который старец обыкновенно уходил в капище, опередив его, я вышел из келии и спрятался внутри капи-

ща в кустарнике; вижу, идет старец, впереди него – женщина. Женщина вошла: вижу, она молится и поклоняется идолу; когда она окончила молитву – вижу, старец пришел, поклоняется идолу, целует жену и впадает с нею в любодеяние. Потом старец возвратился в Скит, а жена – в луг. Это видел я семь раз ясно и, твердо уверившись в этом, начал садиться вне келии и говорить братиям, приходившим к старцу пользы ради: «Братия! Этот отец – блудник и идолослужитель, вы прельщаетесь, приходя к нему!» Таким образом я говорил инокам, приходившим к старцу, в течение четырех месяцев. Но сколько я ни старался возбранить им приход к старцу, они, руководимые благодатью Божиею, продолжали ходить к нему. Видя это, я, несчастный, сокрушался и, воздевая руки к небу, восклицал: «Господи! Даруй мне терпение!» Я, несчастный и страстный, думал, что терплю за правду, и, как творящий добродетель, говорил, воздыхая: «Слава Тебе, Боже! От какой чести в какое пришел я бесчестие и чем сделался!» – и плакал.

Старец, видя меня в таком положении, говорил: «Чадо доброе! Очисти твое сердце, смири твои помышления, возлюби смирение Христово, гнушайся гордости и внимай себе». Когда он говорил это, я гневался, огорчался и смущался; слова его казались мне разжженными стрелами, снедающими меня. Когда сидел я с ним за трапезою, то пища казалась мне смрадом и я гнушался до того, что не однажды и не дважды, но и много раз отвергал ее.

Помысл внутренне не преставал смущать меня, говоря: «Уйди из келии старца, а если можно, и из Скита: смотря на этого старца, не возможешь спастись». Я говорил сам в себе: «За что терплю такие страдания? В мире я не впал ни в блуд, ни в прелюбодеяние, ни в воровство, ни в убийство». Помысл или, правильнее, бес, говорил мне: «Ты страдаешь по справедливости: ты оскорбил отца, мать, сродников и друзей, оставил святых отцов, пришел иночествовать к этому обманщику, порочной нравственности, немилосердному и дерзкому». Бес внушал мне это и находил меня готовым к принятию скверных и злых помыслов; будучи погребен во тьме, я думал, что хожу во свете; будучи сатаною, почитал себя монахом и вместо того, чтоб охуждать и осуждать себя, осуждал раба Божия.

Когда я находился в такой буре от смущения помыслов, отец мой известил меня письмом, что мать моя умирает; приди, писал он, увидеться с нею прежде, нежели она умрет. Прочитав письмо, я сказал отцу Петру: «Я ухожу, мне необходимо повидаться с моею матерью». Брат пошел и сказал об этом старцу. Старец, пришедши ко мне, начал говорить: «Чадо доброе! Пребывай здесь с терпением, ради Бога, оставь пристрастие к отцу и матери: мы имеем в Боге Отца и Матерь; Промысл Его устроит и нам, и родителям твоим полезное. Если же ты преслушаешь меня и пойдешь, то родителям не принесешь никакой пользы, а себя повредишь. Впоследствии будешь очень раскаиваться в твоем поступке, но поздно. Впрочем, отступление твое накажет тебя».

Услышав это от старца и по действию бесовскому воспламенившись гневом, я отвечал ему: «Обманщик, идолослужитель, блудник и прелюбодей! Хочешь ли сделать меня подобным тебе идолослужителем и блудником?» Старец отвечал на это: «Благодать Божия в устах твоих, чадо!» – я продолжал кричать: «Обманщик! Идолослужитель!» – так, что многие из отцов стеклись на голос мой, и все старцы меня укоряли. Я, наущаемый бесом, схватил мою одежду, разодрал ее во гневе сверху до низу и, бросив в лицо старцу, вышел нагой из келии. Вошедши в келью одного из старцев, украл у него праздничную одежду и отправился в Александрию.

Я нашел матерь свою уже умершею, а отца больным. По истечении трех дней скончался и отец мой. В то время, как я заботился об оставшемся богатом наследстве и раскаивался в том, что принял монашество, настал вечер. Я лег на постель и, помышляя о Ските и об отце Исаии, со стенанием говорил: «Слава Тебе, Христе, Боже мой! Ты избавил меня от обманщика, лживого старца». Едва я произнес эти слова, как услышал голос, подобный грому. Голос проговорил: «Пагуба и всегубительство дому Прокопиеву!» Тотчас поднялся ветер, и дом загорелся с четырех

углов. Я вскочил в смущении и едва успел со всеми бывшими в доме выбежать из него: огонь со всех сторон охватил его. Стеклись жители Александрии, но не могли подать никакой помощи: пламя пожирало и самые камни. Я стоял посрамленный и стыдился, помышляя о случившемся; от великой печали и уныния пошел в церковь святого Мины и повергся на помост церковный. Опять бес, приняв подобие мученика, сказал мне: «Знай, что виной всего случившегося с тобой – отец Исаия». Пришедши в себя, я сказал: «Точно! Этот обманщик – чародей и послал бесов попалить дом мой».

Утром, встав, пошел я к патриарху и сказал: «Владыко! Отмсти за меня идолослужителю, отцу Исаии: он своим волхвованием сжег мой дом и все, что было в доме». Патриарх сказал мне: *«Немы да будут устны льстивыя, глаголющия на праведнаго беззаконие»* (Пс 30:19). Когда патриарх произнес эти слова, я увидел мурина, который стал бить меня огненным жезлом и облек меня в железную броню; я упал к ногам патриарха, неистовясь. Тогда патриарх простер ко мне руку, и узы языка моего разрешились. Но семь месяцев провел я, мучимый лютым велиаром и представляя собой для всех зрелище, достойное сожаления. Нужно было связывать меня железными цепями; я бил себя и всех меня окружавших, ел извержения человеческие. Христолюбивые люди, сожалея обо мне, одевали меня, потому что я скитался нагой, терзал плоть мою и одежду, муча себя и толкая встречающихся. От недостатка в пище, от грязи и нечистоты, в которых я лежал и валялся, тело мое покрылось струпами, подобно чешуе.

Христолюбцы города Александрии, увидев некоторых отцов Скитских, привели их ко мне, но отцы, видя меня, не узнавали. Тогда христолюбцы сказали: «Это сын Прокопиев, принявший монашество у аввы Исаии». Отцы сказали: «Окажите любовь, доставьте его в Скит». Христолюбцы приискали проводника с верблюдом, дали ему золотую монету и, связав мне руки и ноги, отправили в Скит. Скитские отцы собрались в Великую церковь, совершили всенощное бдение, молились о мне и, помазав все тело мое елеем, отгнали от меня беса; однако раны и струпы продолжали мучить меня. Тогда я, недостойный и грешный, рассказал им подробно все, случившееся со мною, всем поведал бедствие мое и умолял, чтоб явили мне милость: умолили старца принять меня на покаяние и не допустить ко мне нового искушения от беса. Старцы пошли и привели отца Петра, другого ученика аввы Исаии, бывшего со мною. Он, увидев меня лежащего и тело мое, согнившее от ран и струпьев (отцы, желая преклонить старца к милости и сожалению, сняли с меня одежду, в которой я был, и нагого положили на рогоже), повергся на меня, и не было конца слезам его. Я лежал в трепете, не смея и взглянуть на него. Поплакав довольно, отец Петр встал; взяв некоторых из отцов, пошел и привел отца Исаию.

Когда я увидел старца, идущего ко мне, то воззвал: «Раб Божий, помилуй меня, прельщенного бесом! Не оставь меня в совершенную радость и веселье душегубительному врагу! Довольно я наказан, мучим был по справедливости!» Старец, плакав довольно, сказал мне: «Чадо! Познал ли, что падение бывает наказанием для гордых?» Я сказал: «Познал, отец мой! Познал из того, что случилось со мною, и научился из того, чему подвергся! Я уверовал, что Господь правосудно воздает каждому по делам его». Старец, знаменовав меня крестным знамением, сказал: «Бог, содетель всякой твари, да простит мимошедшее и да исправит будущее». Положили меня на одр и отнесли в келью.

Через несколько дней я исцелел благодатью Христовой и молитвами старца. Исполнились на мне слова пророка: *«Броздами и уздою челюсти их востягнеши, не приближающихся к тебе»* (Пс 31:9). И опять: *«Многи раны грешному»* (Пс 31:10).

Отцы Скита, видя, что все случившееся со мной достойно быть написанным, призвали Пиония, искусного краснописца, и приказали мне с точностью и подробностью рассказать ему все. Краснописец, написав повесть, поместил в первой книге, в которой помещены статьи о мечтаниях и искушениях бесовских. После этого я уже пребывал с отцом моим Исаиею, во всем повинуясь ему.

Из творений свт. Тихона Задонского[1]

Борьба

Подобно слову Божию молитва есть оружие христианское – слушай ее с большим вниманием. Диавол старается соблазнить тебя к греху, но ты в сердце своем отвечай ему:

– Не хочу, ибо это было бы против Бога. Это Богом запрещено.

Диавол возбуждает в тебе скверную и блудную мысль, ты отвечай ему:

– Бог мой запретил это мне.

Диавол возбуждает в тебе гнев и жажду мести, ты пресекай эти чувства мечом слова Божия, говоря в сердце своем:

– Бог запретил это.

Обращает твое внимание диавол на чужую вещь и соблазняет тебя к похищению ее, говори в сердце своем:

– Это запрещено Богом: не укради, не пожелай.

Так же поступай и в отношении прочих, противных закону Божию мыслей, возникающих в сердце твоем. Смотри, согласна или противна закону Божию мысль твоя. Согласную сохрани и приведи в исполнение, противную же отгоняй, не допуская ее укрепиться и победить тебя. В этом пример подал нам Сам Христос, Спаситель наш, Который на всякое диавольское искушение отвечал искусителю:

– *Писано есть..., писано есть..., писано есть...* (Мф 4: 4,7,10).

Приводит тебя сатана к отчаянию и говорит тебе в сердце твоем:

– Нет тебе спасения, ты много согрешил, ты столько-то и столько-то злых дел совершил.

Ты же отвечай ему:

– Ты осужденный, а не судья; тебе нет спасения и предназначен огонь вечный. Моя же надежда и спасение есть – Христос Бог, Который пришел в мир спасти грешников. Спасет Он и меня: я ведь один из грешников, которых Он пришел спасти.

Но везде нужно и другое оружие, а именно молитва, без которой все наше старание и сопротивление безсильны. И вот, при всяком искушении должно возводить глаза свои ко Христу и молиться Ему:

– Господи, помоги мне!

Или, как либо, иначе, просить от Него помощи. Таким образом *«Укрепляйтесь в Господе, в силе и крепости Его»* (Еф 6:10). И подобно тому, как садовник отрезывает сучки и ветки, которые в дальнейшем могли бы повредить дереву, и ты, появляющиеся у тебя злые мысли, тотчас же пресекай мечом слова Божия и молитвою, чтобы мысли эти, укрепившись, не повредили и не умертвили внутреннего человека.

[1] Православно-миссионерское Книгоиздательство «За Церковь». Берлин. 1938 год.

Закрытие Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря и дальнейшая судьба монахов

записано монахом-пустынником отцом Меркурием (Поповым)

В 1917 году началось разорение Ново-Афонской обители. В течение нескольких лет новоафонские иноки пытались сохранить святую обитель от окончательного разорения. В 1924 году Ново-Афонский монастырь разделил трагическую судьбу множества православных обителей: он был окончательно закрыт «как очаг контрреволюционной пропаганды», все его земли были переданы совхозу, многочисленные храмы подверглись разорению и поруганию. Скрываясь от преследований и репрессий, ново-афонские монахи ушли в горы и расселились в основном в труднодоступной высокогорной долине Псху. Но праведная и скромная жизнь монахов и в удаленной от людей долине вызывала беспокойство большевистской власти, видевшей в них своих главных врагов. В апреле 1930 года всех монахов, подвизавшихся в селе Псху и его окрестностях, большевики арестовали и отправили под конвоем через перевал в Сухум. Одну группу монахов, около 150 человек, которую взяли будто бы вести в Сухум, расстреляли по дороге. Убивали также старых и немощных иноков... Из числа братии, приговоренной к смертной казни в живых осталось лишь двое, один из которых позже и описал эти события...

часть 3

Начальник не спеша стал внятно читать: «Именем Союза ССР закрытое спецсовещание тройки НКВД, заседающее в городе Москве, рассмотрев состав группового преступления, совершенного по согласованности многими единомышленниками, удалившимися в одно из междугорий Кавказа и не желающими по своей антисоциалистической настроенности принимать участие ни в одном из реорганизаторских начал нашего возрождающегося общества, не желающими изменить свои воззрения, упорно цепляясь за свои фанатические догматы», и т. д. И затем: «Спецсовещание, обозрев в полноте всю совокупность правонарушений, совершенных ими при осознавании всей их несовместимости относительно с существующими законоположениями социалистического государства, вынесло группировке монахов-отшельников соответствующее обвинительное заключение, что за антиобщественное ведение своего бытия, с групповым удалением в безлюдную пустыню, по названию Псху, без дозволения на то от исполнительных органов власти, вследствие чего, уклонившись от гражданского долга социально-полезного труда, эта группировка многие годы отлынивала от уплаты существующего сбора налогов при бесконтрольном землепользовании. Она не приносила при этом абсолютно никакой пользы государству. Укрывшиеся от надзора властей монахи-отшельники полностью попрали существующее законодательство относительно ограничений прав Церкви. Находясь в отстранении от общества людей, правонарушители уклонились от воинского учета и надзора со стороны органов исполнительной власти. Рассматривая данный состав правонарушений, как равновесный в мере своей преступности кампании гражданского неповиновения, спецсовещание, руководствуясь специальным по данному поводу указанием правительства за номером таким-то, приговорило уроженца станицы такой-то (при этом упоминались моя фамилия, имя, отчество и год рождения) как соучастника, входящего в состав этой социально опасной группировки, к высшей мере социальной защиты – расстрелу. Приговор окончателен и неизменяем».

После окончания зачитывания приговора наступило минутное молчание, во время которого экзекутор, расстегнув кобуру, вынул наган и сказал мне: «Повернись лицом к стенке». После этих слов я, как будто бы очнувшись от объявшего меня оцепенения, поспешно сказал, обратившись к начальнику: «Это приговор не мне». «То есть как не тебе?» – возразил он. «Да вот так, – сказал я, – потому что фамилия моя, имя и отчество мои, а

год рождения не мой и станица не моя». Начальник, внимательно посмотрев на меня и на фотографию бывшего у него в руках чьего-то личного дела из наших монахов, однофамильного и одноименного мне, и убедившись в своей ошибке, сказал дежурному: «А ну-ка сходи в канцелярию и принеси сюда личные дела всех смертников». Тот поспешно ушел и через две-три минуты вернулся, неся в руках кипу бумаг в картонных корках. Начальник, пересмотрев, вытащил из числа их мое дело и спросил: «Какого ты года рождения?» Я назвал. «Какой станицы уроженец?» «Такой-то», – ответил я. Он сверил данные, обозначенные в приговоре, с моим личным делом, потом, внимательно еще раз посмотревши на меня и на мою фотокарточку, находившуюся там, сказал дежурному: «Уведи его в камеру». Дежурный, кивнув мне головой, проговорил: «Иди на выход», – и пошел впереди меня по подземному коридору, а охранники пошли следом за мной.

Выйдя из подземелья, я почувствовал всем сокровенным существом души, что как будто бы освободился от сатанинского узилища, где находился не полчаса, как это было в действительности, а долгое-предолгое время, с тьмою нескончаемых тягостных переживаний, подобных адским мукам, которые невозможно выразить обыкновенным словом разговорной речи, со всеми происходившими в то время замираниями души перед наступающим моментом расставания с этой временной жизнью и переходом в нескончаемую вечность будущего загробного бытия, известного нам только лишь из весьма скудных источников познания на основании немногих рассказов «из области таинственного», запечатленных на страницах церковной истории со слов людей, которые опытно познали это явление.

Конвоиры сопроводили меня известным путем в тюремный корпус, затем подвели к камере, в которой я находился прежде. Дежурный раскрыл ключиком браслеты наручников и снял их с моих рук, надзиратель-ключник растворил дверь и впустил вовнутрь. Заходя в камеру, я невольно обратил внимание на то, что подслушиватели, как видно, только что отпрянули от двери и с испуганным видом сидели близ, на обочине нар. Увидев меня, входящего вовнутрь помещения, выражение их лиц сменилось на какую-то непонятную мне смущенность, выражающую переменившееся их настроение, да и все прочие, находившиеся в камере, смотрели на меня изумленными глазами, как на воскресшего из мертвых, не решаясь тотчас же расспрашивать о всех подробностях небывалой за всю их бытность в смертной камере подобной чрезвычайности.

Подойдя к нарам, я, ни с кем не разговаривая, лег на свое место. Меня объяло состояние неизъяснимого словом радостопечалия, если только так можно выразить это чувство. Радость заключалась в том, что я остался пока в живых, но печаль подавляла это чувство осознанием вопроса: надолго ли? На какое число дней продлится еще это время моей жизни? Может быть, в наступающий день начальнику тюрьмы поступит новая бандероль из Москвы с пачкой аналогичных приговоров шаблонного воспроизведения на основании составленного тройкой НКВД общего приговора, какой уже зачитывали мне. И в наступившую ночь меня опять поведут тем же путем, но только тогда уже безвозвратно, в это подземное адское вместилище, каким водили в эту ночь, где опять будет лежать целый штабель уже из новых расстрелянных людей и набросанных как попало, головами туда и сюда. И пол опять будет залит кровью от новых жертв сталинского террора, где, по всей вероятности, прольется и моя кровь...

После пережитого душевного потрясения я сделался абсолютно беспомощным, чувствуя во всех членах своего тела какое-то общее недомогание, и лежал без движения. Так день, за ним надвинулся вечер с его обыкновенной общетюремной поверкой, после которой вскорости звонки возвестили отбой. Через незначительный промежуток времени придверные подслушиватели приникли ушами к двери со своей обычной усердной настороженностью и через несколько минут, враз отпрянув от нее, прошептали во всеуслышание: «Подошли к нашей камере». И действительно, через 10-15 секунд вдруг открылся волчок, вслед за тем растворилась и дверь. Вовнутрь камеры вошли два охранника во главе с ответственным дежурным по тюрьме, который, подойдя к отцу Парфению, сидевшему на

обочине нар, обратился со своим вопросом: «Как твоя фамилия?» Отец Парфений, поспешно встав, ответил: «Аксенов, – и к тому добавил, – не надевайте мне наручников, потому что я спокойно пойду туда, куда вам нужно, я давным-давно ожидаю этого желанного часа». Слова эти, произнесенные спокойным тоном голоса, как видно, до крайности удивили и озадачили конвоиров, пришедших за его душой, и они с полминуты в недоумении, без малейшего движения стояли возле него. Отец Парфений, нагнувшись, снял со своих ног сапоги и, обратившись лицом к смотрящим на него арестантам, сказал: «Братцы, возьмите себе кто-нибудь из вас эти мои яловые сапоги на кожаных подметках, они совсем почти еще новые, и мне жаль, что они сгниют в могиле вместе со мною». «А сам в чем пойдешь?» – с удивлением вопросил стоявший возле него дежурный. «Э... – протяжно сказал он, – до места казни я дойду в одних портянках». И, обмотав портянками ноги, перевязал их какими-то завязочками, вынутыми из своего кармана. Потом, став на колени, земно поклонился и, обратившись к братьям-монахам, сказал: «Простите меня, любезные отцы и братья, может быть, когда-либо по неведению погрешил против кого-либо из вас или делом, или словом, или помышлением, а потому, не помня зла, помолитесь обо мне». «Помолись о нас и ты, отец Парфений, когда будешь пред престолом Всевышнего, – ответили они, – чтобы и нам, как воинам Христовым, сподобиться с мужеством воспринять мученическую кончину». После этого он, поднявшись с коленей, сказал, обратившись к дежурному: «Ну все, идемте», – и вышел в коридор, за ним – охранники и дежурный; дверь затворилась, все смолкло...

Арестанты сидели не шелохнувшись. Я подумал с удивлением, с каким спокойствием ушел к месту казни этот духовный человек, не потеряв в себе даже ни на минуту присутствия духа, не упустив из виду побеспокоиться даже о своих яловых сапогах на кожаной подметке. И вот тут сравнил свой бывший выход из камеры, при котором я затрясся всем телом, как самый обыкновенный плотской человек, забыв даже попросить прощения и святых молитв у остававшихся в камере братьев-монахов.

Но вот вдруг меня объяло состояние интуиции, то есть мистическое чутье, что я стал ощущать, как наяву, по догадке, все моменты, какие происходили невидимо для меня: как отца Парфения вывели в длинный коридор, как спустился он из корпуса по приступкам лестницы на асфальтную дорожку. Далее, как он и все прочие, сопровождающие его, завернули за угол здания и подошли к железной двери, как дежурный отворил ее и включил свет в подземном коридоре. Вот он спустился по ступеням цементной лестницы в коридор, обложенный по боковым стенкам белым камнем, потом ввели его в помещение человеческой бойни, которое было еще, по всей вероятности, свободным от трупов по причине того, что его первым завели туда в эту наступившую ночь. Вот через 2-3 минуты начальник тюрьмы, придя вслед за ним, прочитал ему смертный приговор закрытого спецсовещания тройки НКВД, после чего исполнитель расстрела, вынув из расстегнутой кобуры наган, сказал: «Повернись лицом к стене». И когда он повернулся, то выстрелил из нагана в затылок. Отец Парфений упал на пол, кровь струей полилась из простреленной головы. Этим завершилась его многострадальная жизнь. Через полминуты врач, подойдя к безжизненному трупу, взялся своей рукой за его еще теплую, но, однако, недвижимую руку, нащупывая пульс, и потом, глянув на всех присутствующих, кивнул головой, подтверждая этим кивком конец совершенного дела. Тогда начальник тюрьмы обмакнул перо ручки в чернила, потом, взяв лист бумаги, на котором был пишущей машинкой напечатан текст смертного приговора и в конце его через небольшой пробел были четко выделены роковые слова: «Приговор приведен в исполнение..» В конце этой не допечатанной строки он означил число месяца, часы и минуты исполнения казни, после чего дописал одно над другим два слова: «Начальник тюрьмы», ниже его – «Спецврач по делам расстрелов». В завершении всего поставил свою подпись. Подошедший к нему врач, взяв от него ручку, поставил ниже его подписи свою подпись. Начальник положил этот лист, в принесенную им с собой папку для бумаг и, выйдя из подземелья, ушел в канцелярию; дежурный же с охранниками пошли в корпус за следующей жертвой.

В ту же ночь следом за отцом Парфением увели из камеры на расстрел еще одного нашего брата-монаха. Он при обращении к нему дежурного со своим вопросом относительно его фамилии, вдруг сильно изменился в лице, но, однако, при выходе из камеры так же, как и отец Парфений, не забыл попросить прощения у всех своих остававшихся в камере братьев-монахов, после чего вышел в коридор и дверь за ним затворилась. В следующую ночь вывели одного вслед за другим еще двух монахов, и, подобно отцу Парфению, они спокойно вышли из камеры, не забыв попросить прощения и святых молитв у нас двоих, остававшихся в камере из числа всего нашего бывшего братства.

В последующую ночь увели предпоследнего монаха из нашей камеры. Следующая жертвенная очередь оставалась за мной. В предчувствии этой роковой минуты, в которую должны были опять надеть на меня наручники и повести известным мне путем в узилище человеческой бойни народного комиссариата внутренних дел, мне чувствовалось, что при одной мысли о смерти захолодевала во мне душа. Боже мой, Боже мой... Мне все чудилось, что вот сейчас, вот-вот они уже около дверей, уже пришли за моей душой, чтобы исполнить в эту ночь последний смертный приговор над последним в этой камере, приговоренным к смерти монахом бывшего псхуского братства. Но, нет... вдруг неожиданно прозвонил звонок подъема, прервав мои гнетущие душу кошмарные предчувствия. Перекрестившись, я глубоко вздохнул всей грудью при осознавании конца своих ночных мук.

После завтрака я лег на свое место, готовясь уснуть, и, почти уже засыпая, вдруг услышал, как раскрылась дверь камеры, и надзиратель-ключник окликнул меня, назвав мою фамилию. Поднявшись со своего места, я сел на обочине нар, он, увидев меня, сказал: «Забери все свои вещи и выйди из камеры». Взявши с нар свою телогрейку, которую когда-то прихватил с собой на всякий случай во время нашего общего ареста, я вышел в коридор. Там увидел стоящим одного из насельников нашего братства – молодого послушника псхуской общины. Он, подойдя ко мне, сказал слова монашеского приветствия: «Христос посреди нас». Я ответил: «Есть и будет во веки веков». Он дополнил к этому слово «Аминь». Обнявшись, мы поцеловали, по иноческому обычаю, один другого в плечи. «Кажется, что только лишь мы с тобой вдвоем остались в живых из всего нашего братства», – сказал он. «Да-да, по всей вероятности так», – подтвердил я.

Начальник корпуса повел нас вдаль по коридору и в конце его, отомкнув ключом дверь в небольшую комнату, в которой у них осужденные народным судом или спецколлегией арестанты после вынесения приговора в последующие дни писали свои кассационные жалобы в вышестоящие судебные инстанции. Зайдя туда, он сел за стол, выдвинул из него ящик и, достав лист бумаги с отпечатанным на нем пишущей машинкой текстом, прочитал вслух известный уже мне трафаретный трактат приговора Московского спецсовещания тройки НКВД, где в конце его было напечатано, что я осужден на 10 лет заключения с отбыванием срока в ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь). Затем он такой же приговор зачитал и послушнику, где значилось, что он осужден на 8 лет заключения с отбыванием срока наказания в ИТЛ.

Впоследствии один из подневольных рабочих рассказал мне следующее: «Позавчера один из охранников, соучастник кровавой экзекуции, по секрету рассказывал тюремному повару, что в минувшую ночь в подземное капище привели на расстрел какого-то монаха. Когда начальник тюрьмы зачитал ему смертный приговор и исполнитель казни после этого, взведши курок нагана, сказал: «Повернись лицом к стенке!» – монах равнодушно ответил: «Стреляй так, Иисус Христос не отворачивался, когда его били». Экзекутор выстрелил ему в переносицу, и монах, упавши, скончался».

Мне сразу же пришла на ум догадливая мысль, что это был не кто иной, как раб Божий отец Парфений. Сняв с головы скуфью, я перекрестился и сказал: «Упокой, Господи, душу усопшего раба твоего и всех подобных ему, умертвленных в этом подземном узилище».

Никто по собственному произволению без благодатной помощи свыше не сможет так смело и бесстрашно глянуть смерти в глаза в эти ужасные минуты.

Урок 8:
ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Видение пророка Иезекииля

Дорогие ребята! Мы уже говорили про еврейский народ, который среди всех народов земли хранил веру в Бога и Его святые заповеди. Когда евреи предавали Бога, начинали служить идолам и тяжко грешить, Господь останавливал народ строгими словами пророков. Но пророков не слушали и творить зло не прекращали. Тогда, чтобы евреи не погибли окончательно, Господь допустил (не стал мешать) царю Вавилона завоевать их землю – Израиль. Столица – Иерусалим – была разрушена, и почти весь народ Божий был уведен в плен в страну Вавилонскую. В плену Вавилонском евреев иногда покидала надежда на спасение. И вот великий еврейский пророк Иезекииль, живший также в плену, увидел видение, дающее надежду.

Сам пророк так написал об этом в своей книге: *«Господь вывел меня и поставил среди поля, и оно было полно костей, и обвел меня вокруг них, и вот весьма много их на поверхности поля, и вот они весьма сухи. И сказал мне (Господь): сын человеческий! оживут ли кости эти? Я сказал: Господи Боже! Ты знаешь это. И сказал мне (Господь): скажи костям этим: кости сухие! Так говорит Господь Бог: вот, Я пошлю дух в вас, и оживете»*. Когда же пророк сказал костям, что они оживут, то *«произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею. И вот, жилы на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху, а духа не было в них»*.

Господь сказал пророку: *«Скажи духу, приди, дух, и дохни на этих убитых, и они оживут»*. Иезекииль призвал духа, *«и вошел в них дух, и они ожили, и стали на ноги свои – весьма, весьма великое полчище»*. Господь сказал: *«Эти кости – все люди Израиля. Вот, они говорят: "Наши кости иссохли, надежда погибла, мы оторваны от корня". Скажи им: так говорит Господь Бог: вот, Я открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших, и вложу Моего Духа в вас, и оживете, и введу вас в землю Израиля. И узнаете, что я Господь»* (Иезекииль 37:1-14).

Это видение давало евреям надежду на возвращение из плена в родную землю, а всему человечеству – надежду на то, что все умершие воскреснут. В самом деле, душа без тела – это лишь обломок человека, его отколотый грехом и смертью кусок. Не может инвалид, человек без руки или без ноги, чувствовать себя полностью цельным, здоровым, свободным от неудобств. Так и душа без тела – это как бы инвалид, она не имеет полноценной жизни. Даже в Раю души умерших радуются великой радостью, но эта радость еще не полная. Без своих тел душам не совсем удобно жить и радоваться, души чувствуют некую ущербность. Только целый человек с душой и телом может почувствовать себя до конца счастливым и здоровым[1].

Видение пророка Иезекииля давало надежду на воскресение всех людей. Но это может произойти лишь потому, что Господь Иисус Христос умер за всех, отменил и победил смерть, а победу подарил всем нам. Мы уже подробно говорили об этом[2]. Поэтому умерших называют теперь усопшими, тела как бы ненадолго уснули, но проснутся, оживут, соединившись с душами, встретят Христа. Как же это произойдет?

---

[1] Еще два сравнения. Если нам скажут на Пасху: «Радуйся только в душе, а Причастие мы тебе не дадим, а потом и куличик, и яичко не будешь кушать», – нам не очень будет радостно. Или скажут нам: «Тебе нельзя после долгой разлуки обнять близкого человека, просто постой с ним рядом, не прикасайся, радуйся только в душе», – нам тоже этой радости будет мало, захочется прикоснуться к папе, маме или брату, обнять или поцеловать. Так душа без тела не может иметь полного счастья.

[2] Смотрите урок 5: «Сотворение и воскресение».

Страшный Суд и кончина мира

Дорогие ребята, мы уже знаем[3], что Христос на сороковой день после Своего воскресения вознесся с Телом на небо[4]. Бог открыл нам также, что Он вернется на землю вновь. Во время вознесения Христа ангелы сказали Его ученикам: *«Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо»* (Деян 1:11).

К моменту возвращения Христа на землю зло на ней чрезвычайно усилится. Во всем мире воцарится антихрист, то есть противник Христа. Этот человек будет слугой сатаны и таким злодеем, которых еще не видел мир. Он будет бороться против всех религий и в чудовищной гордыне объявит богом самого себя. Почти все люди земли поклонятся ему. Будет издан указ, *чтобы убиваем был всякий, кто не будет покланяться образу зверя* (Откр 13:15), то есть изображению этого злодея. Особенно жестоко будут преследовать христиан. Антихрист будет править миром три с половиной года (1260 дней) до самого пришествия Христа. Господь Иисус Христос победит антихриста, *«истребит явлением пришествия Своего»* (2 Фес 2:8)[5].

В этот последний день *(день суда)* произойдут следующие великие события.

1) Придет с неба на облаках Господь Иисус Христос (**Второе Пришествие**), и антихрист погибнет; Иисус придет быстро и внезапно в великом сиянии и славе, как сверкающая молния. Он будет окружен бесчисленными Ангелами, и все люди одновременно Его увидят.

2) По зову Иисуса Христа воскреснут все умершие, а живые станут бессмертными (**Воскресение мертвых**). Души всех умерших Ангелы соберут из ада и рая. Бог восстановит рассыпавшиеся тела всех умерших и оживит, соединив с душами и сделав бессмертными. А все живые[6] изменятся и тоже станут бессмертными. Тела будут теми же, что и сейчас, но станут легкими, духовными.

3) Затем Господь Иисус Христос совершит суд над всем человечеством и падшими ангелами (**Страшный Суд**).

4) Весь космос будет изменен, очищен от зла и смерти, но не уничтожен. Весь мир совершенно обновится с помощью особого огня (**кончина мира**[7]).

5) Начнется вечная Пасха, бесконечное царство Христа (**жизнь будущего века**). Смерти больше никогда не будет. Все люди и вся природа наполнятся сиянием Бога. Счастье людей будет неописуемым, главная радость: откроется бесконечное общение с Богом[8]. Но очень печальна будет участь неисправимых грешников, которые не смогут принять Бога всем сердцем.

Итак, в **последний день** произойдут **второе пришествие Христа, воскресение всех мертвых, Страшный Суд, кончина мира** и откроется **жизнь будущего века**. Эти великие события совершатся очень быстро, почти одновременно.

Скорым будет и Страшный Суд. Господь знает все, Ему не нужно долго узнавать, каковы мы. И сами тела воскресших будут нести на себе отражение их поведения. *«Праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их»* (Мф 13:43), светоносными будут их тела; лица же и тела грешников будут темны. «Совесть каждого человека откроется перед всеми, и обнаружатся не только все дела, какие кто сделал продолжение всей своей жизни на земле, но и все сказанные слова, тайные желания и помышления»[9]. Все как бы увидят друг друга насквозь. Стыдно будет нам, когда все увидят, какими мы были на самом деле, не снаружи, а внутри – в сердце. Каждый вспомнит мгновенно и все свои поступки. «Вероятно, во мгновение все дела нашей жизни, как на картине, как бы в зеркале, изобразятся в памяти нашей души, чтобы каждый вспомнил свои дела и чтобы мы видели, за что подвергаемся наказанию», – объясняет святой Василий Великий[10].

Но для того, чтобы нам было понятнее, Господь Иисус Христос ярко изобразил Свой будущий Суд в вопросах Царя и ответах людей. Царь – это Сам Иисус, овцы – праведники, козлы – грешники. *«Когда же придет Сын Человеческий во славе*

---

[3] Смотрите урок 6: «Непослушание Адама и послушание Христа».

[4] Бог открыл нам, и поэтому мы твердо верим, что Господь Иисус пребывает с Телом на небе. Но вот как Его Тело может там находиться – это тайна, которая нам пока не открыта.

[5] Олег Давыденков, протоиерей. Катихизис. О седьмом члене Символа веры.

[6] Речь идет о тех людях, которые доживут до второго пришествия Христа, они не умрут совсем и изменятся, перейдя в состояние бессмертия.

[7] Кончина мира, как мы видели – это не уничтожение мира, а его величайшее изменение, обновление, улучшение.

[8] Макарий (Булгаков), святитель. Догматическое Богословие. Параграф 262.

Филарет (Дроздов), святитель. Пространный христианский Катехизис. О седьмом, десятом и одиннадцатом членах Символа веры.

[9] Там же. Седьмой член Символа веры.

[10] Макарий (Булгаков), святитель. Догматическое Богословие. Параграф 265.

Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле[11] *славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит их друг от друга, как пастух отделяет овец от козлов; и поставит овец справа от Себя, козлов же слева. Тогда скажет Царь тем, которые справа от Него: Придите, благословенные Отца Моего, унаследуйте Царство, приготовленное вам от создания мира: Ведь Я голоден был, и вы дали Мне есть; Я испытывал жажду, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники ответят Ему: Господи! когда мы видели Тебя голодным и накормили? или жаждущим, напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? Или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным или в тюрьме, и пришли к Тебе? И ответит им Царь: истинно говорю вам: сделав для одного из этих братьев Моих меньших, вы сделали Мне. Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, приготовленный дьяволу и ангелам его: ведь Я голоден был, и вы не дали Мне есть; Я испытывал жажду, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня. Тогда ответят и они: Господи! когда мы видели Тебя голодным, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе? Тогда Он ответит им: истинно говорю вам: не сделав для одного из этих меньших, вы не сделали и Мне. И пойдут эти в муку вечную, а праведники в жизнь вечную»* (Мф 25:31-46)[12].

Великое чудо любви. Иисус Христос так любит нас, что становится нашим кровным братом и **ставит себя на место Адама, на место каждого человека и всего человечества, вместо нас принимает удар зла и для нас побеждает зло**. Еще таинственнее то, что **всех и каждого Христос готов невидимо принять внутрь Себя, чтобы всех объединить, Он также желает бережно войти в каждого, чтобы всех наполнить Собой, просветить лучами Своей любви**[13]. **Христос считает, что все человечество и любой человек – это словно Он Сам.** Так близки мы все Его сердцу.

Поэтому всё, что мы сделали любому человеку, Иисус принимает как сделанное Ему Самому. Обижая человека, мы обижаем Самого Христа, помогая человеку, мы делаем добро как бы Самому Христу. В каждом несчастном как бы сокрыт Сам Христос, сопереживающий Ему, страдающий вместе с ним. Об этом говорит и случай, бывший с одной женщиной.

У Феодосии Тимофеевны умер муж. Все вещи любимого человека она раздала знакомым, чтобы как можно больше людей молилось о нем. Только одну теплую рубашку оставила на память. Но однажды постучался в дверь к ней бедняк и просит какую-нибудь одежонку ради Христа. «Наверное, голодный... Отдам во имя Господне». Поцеловала рубашку супруга и отдала, хотя и очень жалко было: «Носи на доброе здоровье». Чуть позже увидела она на рынке, как нищий продал рубашку и бегом туда, где водкой торгуют. Заплакала бедная женщина: отдала ради Христа последнюю дорогую вещь, и ушла она на вино! Вернулась домой и от печали ничего не могла делать, прилегла и уснула, покрывшись с головой старым пальто. Вдруг слышит сквозь сон, что кто-то вошел легким шагом в комнату и стал у изголовья. Испугалась она, скинула пальтишко, взглянула и обомлела: Христос перед ней... Господь нагнулся к ней, показывает на Свое одеяние и ласково говорит: «Рубашка Твоя – на Мне». И правда, видит Феодосия Тимофеевна, что та самая рубашка, отданная бедняку, на Господе надета, и проснулась[14].

Господь скажет и нам на Суде: *«Истинно говорю вам: сделав для одного из этих братьев Моих меньших, вы сделали Мне»*. Никогда не будем этого забывать.

Иеромонах Гавриил (Мельников)

---

[11] Словарик: престол – трон; странник – чужеземец, путник на чужбине; нагой – обнаженный, неодетый, не имеющий одежды; жаждущий – хотящий пить.

[12] Использовались тексты Нового Завета: 1) Синодальный, 2) перевод епископа Кассиана (Безобразова), а также 3) Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык. – СПб: Российское Библейское общество, 2006.

[13] Семья православных христиан (Церковь) называется Телом Христовым именно потому, что Христос чудесно принимает и собирает всех нас внутри Себя как бы в один организм.

О Церкви также смотрите урок 7: «Народы и Церковь».

[14] Запарина Лидия. Непридуманные рассказы. – Б. м.: Храм Державной иконы Божией Матери, 2004. – С. 125. «Рубашка».

Святой, хранивший в сердце Пасху

Если есть святой с именем которого неразрывно связано ощущение Пасхи, то конечно – это преподобный Серафим Саровский. «Радость моя, Христос воскресе!» – этими словами он встречал каждого человека. Надо же – какое чудо! Всего несколько слов, а сердце, узнавая в них Пасху, сразу отзывается радостью. Именно пасхальной радостью преисполнена вся жизнь батюшки Серафима. Давайте перечитаем некоторые истории из его жизни, может и нашего сердца коснется любовь...

Сила веры[1]

Множество народа собралось у лесной кельи отца Серафима. Старец каждый день удалялся сюда, ища уединения, но последнее время много народа приходило и сюда к нему. Среди собравшихся было много больных, слепых и увечных. У самой дороги, под сосной, на траве сидел расслабленный: он не владел ни ногами, ни руками, и пять человек едва донесли его до кельи старца.

Вот показался на дороге отец Серафим. Он шел, опираясь на свой посох; на старце был белый холщовый балахон, на голове камилавка, за плечами котомка со Святым Евангелием. На груди отца Серафима висел большой крест – благословение матери, с которым старец никогда не расставался. Лишь только он поравнялся с расслабленным, больной хотел протянуть к нему руку... и не мог.

– Батюшка, помогите, – едва прошептал он.

Отец Серафим остановился:

– К докторам надо обращаться, если хочешь лечиться от болезней, – сказал он.

– Я много лечился, – горячо возразил больной, – но, видно, не такая моя болезнь, чтобы доктора могли вылечить меня... Грешен я, отче, грешен... и за грехи покарал меня Бог... Лишь благодать Божия может исцелить меня, я твердо в это верю. Молю тебя: помолись за меня! Сам я не дерзаю обратиться к Богу с такой молитвой, а твои молитвы угодны Богу, Господь услышит твою святую молитву!

Старец пристально смотрел на больного.

– А веруешь ли ты в Господа Иисуса Христа, – спросил отец Серафим, – и в Его Пречистую Матерь?

– Верую...

– Веруешь ли, – продолжал старец, – что Господь, как раньше мгновенно исцелял просящих у Него помощи, так же мгновенно может исцелить и тебя?..

– Верую, отче, верую...– отвечал больной, – Если бы не верил, не пришел бы молить тебя о помощи.

– А если веруешь, – со светлой улыбкой обратился к нему старец, – ты уже здоров. Старец подошел к больному, велел людям, поддерживающим его, отойти, сам поставил больного на ноги и, держа за плечи, велел ходить... Больной едва держался на ногах.

– Не бойся... иди смелее, – ободрял его старец, – вот так.

И больной вдруг сам сделал несколько шагов! Отец Серафим взял его за руку и остановил.

– Довольно, радость моя, – сказал старец, – ты изнурен болезнью, не утруждай себя, пока мало сил. Господь простил тебя, послал исцеление твоей болезни за веру твою. Не забывай же Его... Господь с тобой! Иди с миром.

Святая смерть[2]

Был первый день Нового года. Погода стояла ясная, хотя зима в том году была снежная и суровая. В Саров на праздник Рождества собралось много богомольцев. Отец Серафим отстоял обедню в больничной церкви; по окончании службы он сам поставил свечи перед всеми иконами, обошел кругом престола и стал прощаться со всеми присутствовавшими иноками. Братия с удивлением следила за отцом Серафимом – раньше никогда он так не поступал.

– Мужайтесь, спасайтесь, братия, бодрствуйте, – говорил отец Серафим, обнимая и целуя иноков. – Не унывайте! В нынешний день нам венцы готовятся!

Простившись со всеми, отец Серафим вернулся в свою келью.

---

[1] Н. Смоленский. «Драгоценные камни веры».

[2] Там же.

Келья старца помещалась рядом с кельей брата Павла. Брат Павел горячо любил отца Серафима и часто приходил помогать ему, так как у старца не было келейника.

И в этот день, заметив, что старец вернулся из церкви, брат Павел постучался к нему.

– Не надо ли печь затопить, отче? – спросил он. – Мороз сильный...

– Коли есть у тебя минуточка, будь добр, затопи, – отвечал отец Серафим. – Я и сам собирался топить, да что-то устал...

Брат Павел тотчас затопил печь и ушел в свою келью. Тоненькая стенка разделяла келью отца Серафима от кельи брата Павла. Часто, работая в своей келье, брат Павел слышал, как отец Серафим поет священные песни. Так и в тот день, работая у себя, брат Павел услышал голос отца Серафима:

– Воскресение Христово видевше... – ясно донеслось до слуха брата Павла.

– Что это старец пасхальные песни поет? – с удивлением думал инок.

– Светися, светися, Новый Иерусалиме..., – услышал через некоторое время брат Павел.

Когда пение смолкло, брат Павел услышал, что отец Серафим вышел из своей кельи. И через окно увидел его, идущего к тому месту, которое он давно избрал для своего погребения. Через некоторое время отец Серафим опять вернулся в келью и снова стал петь пасхальные песнопения.

Брат Павел заметил, что в этот день старец три раза ходил на свою будущую могилу.

Наступила ночь. Все заснули в обители. Павел работал еще долго и заснул около полуночи. Благовест к заутрене разбудил инока. Брат Павел начал одеваться, как вдруг почувствовал запах гари. «Отец Серафим ушел из кельи, не загасив свечу», – промелькнуло в его голове.

Старец часто уходил в свою пустыньку и никогда не гасил свечи перед иконой в своей келье. Часто брат Павел предостерегал его, говоря, что опасно оставлять так огонь, что может произойти пожар.

– Пока я жив, – говорил отец Серафим, – пожара не будет. А кончина моя откроется пожаром.

Быстро накинув рясу, брат Павел побежал в келью старца. В сенях запах гари усиливался. Брат Павел окликнул старца, но ответа не последовало.

– Или ушел, или спит, – решил инок.

Позвав нескольких человек братии, Павел попробовал открыть дверь в келью старца. Но дверь была заперта. Тогда один послушник именем Аникита усиленным толчком

сорвал ее со внутреннего крючка. В келье было совсем темно, сильно пахло гарью. Около двери на лавке иноки нашли холщовые вещи, которые тлели, распространяя едкий запах. Иноки бросились во двор, принесли оттуда снег и забросали тлеющие вещи. Самого старца они не заметили в темноте и решили, что он отдыхает.

Возвращаясь в свою келью после заутрени, брат Павел подумал наведаться к отцу Серафиму. Брат Павел и послушник Аникита вошли в его келью. На дворе брезжило утро, и при слабом свете иноки еле различили фигуру старца. Тогда они принесли свечу и увидели его. Отец Серафим стоял на коленях пред иконой Божией Матери «Умиление». На нем был белый холщовый балахон, крест с распятием висел на груди, руки были сложены в крест. Свеча, горевшая перед иконой, давно погасла. От спадавшего нагара ее, вероятно, и произошел пожар...

Глаза старца были закрыты, тихая радость светилась на его лице. Полагая, что старец заснул, братия стали осторожно будить его. Ответа не последовало. Отец Серафим окончил свою подвижническую жизнь.

Батюшка Серафим и Георгий Затворник[2]

Из жития преподобного Серафима нам хорошо знакомы случаи его чудесной помощи людям. Но следующая история мало известна широкому кругу читателей. Для нас же она особенно дорога, потому что связана с нашим Задонским монастырем. Это история о том, как батюшка Серафим подал духовную помощь Георгию Затворнику. Мы можем предположить, что произошло это между 1822 и 1825 годами, когда Георгий находился в затворе в Задонском монастыре, а прп. Серафим в затворе в монастыре Саровском. Рассказ записан монахом Порфирием, келейником Георгия Затворника.

«Однажды, – пишет монах Порфирий, – пришедши в келию к Георгию, увидел я на стене незнакомый мне портрет, и спросил:

– Чей это?

– Разве ты не знаешь? – отвечал он, – это Саровской пустыни покойный отец Серафим.

Богоугодная жизнь его всем была известна, и потому разговор продолжался о нем; между прочим Георгий, подумав несколько, сказал:

– Знаешь ли, что со мною он сделал? Надобно сказать тебе. Долгое время мучился я помышлением перейти отсюда куда-нибудь в другой монастырь, поуединеннее; а то здесь письма и посетители много меня развлекают. Отказывать иногда совестно, а иногда и нужно бывает отвечать: пишут дело.

Около двух лет боролся я в нерешимости с этим помышлением, никому этого не говоря; между тем сильно этим смущался, перебирая в памяти моей все места, куда бы удобнее удалиться. Однажды входит ко мне келейный, извещая, что странник из Саровской пустыни принес мне поклон и благословение и, сверх того, имеет надобность сказать лично несколько слов по его поручению. Я благословил ему войти, и он начал так: «Отец Серафим приказал тебе сказать: стыдно, столько лет сидевши в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить свое место. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться». Сказав сие странник поклонился и тотчас вышел, а я стоял как вкопанный, дивясь чудесному откровению тайных моих помышлений, и притом такому человеку, который не токмо меня не знал, но еще никогда и не видывал и даже никогда мы друг к другу не писали. Однако, скоро опомнившись, просил я келейного воротить ко мне странника, надеясь узнать от него что-нибудь более; но его уже не могли отыскать ни в монастыре, ни за монастырем. С тех пор дух мой успокоился и я перестал помышлять о переходе в другое место».

[1] Письма в Бозе почивающего затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия, с присовокуплением краткого известия о жизни его составленное из записок живших при нем келейных, собранные Козельской Введенской Оптиной пустыни монахом Порфирием Григоровым. Санкт-Питербург. Типография Глазунова. 1894.